

Дарья Кузнецова

Слово императора

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Дарья Андреевна Кузнецова

Слово Императора

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14127409

Слово Императора: Роман: Альфа-книга; Москва; 2016

ISBN 978-5-9922-2197-8

Аннотация

Принцесса Александра – умная девушка. Она понимает, что продолжение войны двух империй закончится крахом, поэтому без сожалений соглашается на династический брак с младшим братом владыки империи Руш, скрепляющий мирный договор. А то, что жениха в последний момент заменили... какая разница, один чужак или другой!

Император Руамар – умный мужчина. Он знает, что некоторые оскорбления можно смыть только кровью, и, когда глупость брата ставит под угрозу мирное соглашение, без раздумий занимает его место у алтаря.

А два умных человека всегда могут договориться, даже если один из них – и не человек вовсе.

Дарья Кузнецова

Слово Императора

*Большое спасибо людям, без которых книги
могло и не быть: Dilette, Благородной Даме,
Женьке, Иришке, Светику и Стипе.
Автор*

***Империя Руш, столичная резиденция – замок Варуш
Император Руамар Шаар-ан***

Просторный кабинет, выполненный в классическом стиле в зеленых тонах, был наполнен светом. Свет струился сквозь распахнутые настежь огромные окна, заливал всю комнату и нес ощущение счастья. Переплетаясь с запахом моря, с криками морских птиц и шелестом прибоя, он прославлял торжество жизни и дарил надежду на светлое будущее. Кажется, даже он был рад окончанию долгой кровопролитной войны.

Войну эту начал не я, а император Шидар, мой отец. Тогда я был совсем мальчишкой, смотрел ему в рот и разделял его пренебрежительное отношение к беззубым, которых волею Первопредка стоило стереть с карты мира. Понимание пришло много позже, со смертью друзей и обнищанием когда-то богатых, процветающих земель. У людей есть такая поговорка: «Худой мир лучше доброй ссоры», и я сейчас очень хорошо понимал ее смысл. Понимал и разделял. Заняв место

Шидара и столкнувшись со всеми проблемами империи разом, я понял: у нас есть только один выход – примирение с людьми. В противном случае в войне не будет не только победителей, но и вообще выживших.

И вот сейчас, когда тяжелый и нервный труд установления мира подходил к концу, когда были подписаны решающие соглашения, когда была найдена договоренность по самым сложным и болезненным вопросам, все это могло рухнуть из-за самоуправства одного малолетнего идиота.

Солнечный свет меня сейчас радовал мало, скорее даже раздражал. Я стоял у окна, заложив руки за спину, смотрел на море и чувствовал лютую жажду крови. Давно, очень давно я не был в таком бешенстве, когда инстинкты готовы были вырваться из-под контроля разума. И осложнялось все тем, что до такого состояния меня довел тот, от которого я меньше всего ожидал подставы. Самое близкое существо в обитаемом мире, кому я доверял полностью, как себе, и на кого, думал, могу рассчитывать в любом вопросе.

С тихим шелестом открылась дверь, и Мурмар скользнул внутрь. Мне не надо было оборачиваться, чтобы определить его состояние и настроение. От него веяло решимостью, раздражением и упрямством. Моего настроения подобная смесь не поправила...

– Привет. Вызывал?

– Ну давай. Оправдывайся, – проговорил я, не оборачиваясь. Боялся, что, заглянув ему в глаза, все-таки не сдержусь

и собственными руками обезглавлю империю. — Мне очень интересно знать, чем ты думал, когда принимал это решение.

— Чем-чем, — огрызнулся он. — Головой, конечно! Рур, ну не сердись, что мне еще было делать?! — Брат подошел ближе; похоже, моего состояния он просто не замечал, иначе не рискнул бы отойти от порога. — Не хочу я жениться на этой беззубой! От нее ведь не было бы шанса избавиться, с ней пришлось бы прожить всю жизнь! И ладно бы она была на женщину похожа, но... ты вообще видел ее изображения?!

— Она довольно красива, — пытаюсь взять себя в руки, процедил я. — Не юна, но у Димира нет других близких родственников подходящего возраста.

— Да при чем тут ее возраст?! — возмутился Мурмар. — Рур, она почти с меня ростом! Это же полковник с боевым опытом, а не женщина! К тому же ты ведь знаешь: я всегда хотел семью, детей, а шансов получить потомство от беззубой...

— Обрубок! — Сквозь деформированную трансформацией гортань слово протолкнулось с трудом, и вряд ли он его понял. Впрочем, слова были уже не важны; важно было, что я не сдержался. И брат стоял сейчас ко мне лицом к лицу и смотрел на меня в ужасе, а по его щеке из четырех глубоких порезов текла кровь. Зрелище малоприятное: раны на лице всегда сильно кровоточат.

— Рур... — испуганно прошептал он.

— Семейно хотел? Детей? — прошипел я, силясь справиться

с гневом. — Будут тебе дети. Не позднее чем через год эта драная кошка родит тебе сына, и моли Первопредка, чтобы он удался в деда, а не унаследовал твою бесхарактерность!

— Но, брат, я не понимаю, что...

— Головой думал? — процедил я. Вид покорной готовности принять наказание и запах крови несколько отрезвили, и я по крайней мере мог говорить. — Нет, Мурмар, ты думал не головой. А если бы думал головой, ты бы понял, что этот мир нам нужен не меньше, чем беззубым.

— Я понимаю, — понуро кивнул он.

— Значит, ты должен понимать, что своим поступком нанес тяжелое оскорбление Димиру и его дочери. Оскорбление, которое нельзя простить. И поставил под угрозу все договоренности. И теперь, чтобы избежать продолжения кровопролития, твое место должен занять я. Ты только что говорил про детей, вероятность появления которых в смешанном браке очень мала? Так вот теперь ты, может быть, наконец-то поймешь, что своим поступком прервал прямую ветвь наследования и детей теперь не будет у *меня*. *У империи не будет прямого наследника!* Кроме тебя и твоих потомков. Но после этого поступка я сомневаюсь, что ты сможешь стать мне достойным преемником или сумеешь воспитать отпрыска, достойного управлять империей. Так что этим займусь я. А ты и твоя драная кошка должны очень постараться, чтобы плод вашей совместной глупости оказался тем материалом, с которым можно было бы работать.

Под конец этой отповеди Мурмар окончательно потух и понуро опустил голову. Было видно, что он искренне раскаивался, и это помогло мне окончательно взять себя в руки.

– Прости, Рур. Я дурак, я совсем об этом не подумал.

– Да, дурак, – кивнул я. – Пока ваш брак не принес плодов, я займусь восполнением пробелов в *твоем* образовании. Я вернусь через два дня. К этому моменту должна быть полностью завершена подготовка к торжествам по случаю императорской свадьбы. А еще ты предоставишь мне свои замечания по проекту бюджета на ближайший цикл, составленному казначейством. *Свои* замечания, Мурмар. И моли Первопредка, чтобы хотя бы часть из них мне понравилась. Проваливай и до моего возвращения не попадайся мне на глаза.

Он коротко церемонно поклонился и молча вышел, а я подошел к своему столу и устало рухнул в кресло.

Мальчишка, клянусь когтями Первопредка – мальчишка! Глупый, самонадеянный, избалованный и недалёковидный. И это – мой младший брат, а, стало быть, все, что случилось, результат моей халатности. И пока он – мой единственный наследник.

Я не любил Шидара, но у покойника был характер. Чего не сказать про Мурмара, выросшего копией нашей милой, но такой слабой матери. Первопредок, пусть дети этого остолапа унаследуют мозги деда, а не отца или еще хуже – дурь-мамаши!

Преодолев мгновенную слабость и ощущение бессилия,

я активировал кристалл связи, вызывая секретаря.

— Да, мой император?

— Вур, главного казначея, коменданта города и Инварр-ара ко мне. Срочно, у меня нет времени.

— Да, мой император.

В ожидании подчиненных я откопал в столе досье на ту, кому до сих пор уделял прискорбно мало внимания и с кем мне предстояло разделить собственную жизнь. Перед встречей стоило узнать о ней чего-то посущественнее, чем портрет и краткая характеристика.

Окрестности города Эй-Эн-Тыбар, Тыбарский Конгломерат

Ее императорское высочество Александра

Сложно поверить, мне и самой не верилось, но я была совершенно спокойна. Перед любой атакой, перед любым маневром меня окутывала тревога и беспокойство, а сейчас должна была решиться моя судьба, но меня это совершенно не волновало. Наверное, потому, что отпереживалась я раньше, когда искала информацию об этом драном кошке, младшем брате рушского императора.

Отец, разумеется, не стал ставить меня и моего кузена Ланца перед фактом. У нас спросили согласия на предстоящие браки, и если бы мы отказались, он не стал бы настаивать. Он слишком любил нас, чтобы к чему-то принуждать. Но и Ланц, которому предстояло жениться на младшей сест-

ре рушца, и я, которая должна была выйти замуж за его же младшего брата, прекрасно понимали необходимость мира. Эдакий взаимовыгодный обмен принцессами. Разглядывая портрет своей будущей родственницы, я со злорадством думала, что нашей империи с этим обменом повезло больше. Рулана была по-настоящему очаровательной девушкой: красивой, удивительно спокойной для рушки и неглупой. А меня «прекрасной принцессой» считали только отец с братом.

Церемония обмена происходила буднично и без помпы, на территории третьей стороны. Место для этого исторического события предоставили тыбарцы, отдав под вытаптывание делегатам просторное поле в окрестностях небольшого городка Эй-Эн-Тыбар. Градоправитель пытался сосватать под это дело свой дворец, но оба императора отказались: никому не хотелось тратить время на лишние церемонии. В конце концов, это была просто передача заложников, древней традицией окончательно скреплявшая заключенные соглашения. Да и дирижабли возле дворца сажать было негде.

Благодаря организаторскому таланту тыбарцев в изящный просторный шатер, разбитый для этих целей, делегации вошли одновременно с разных концов и встретились почти посередине. Два императора со свитами, жадно разглядывающими друг друга.

Странно, но среди рушцев моего будущего мужа не было. Что, заливаает свое горе и его решили в столь непрезентабельном виде не показывать? Ну, парня можно было понять

и даже посочувствовать ему. Я тот еще подарочек на всю оставшуюся жизнь, врагу не пожелаешь.

Мы все, как шли, стенка на стенку, так дружно и расшаркались, и выглядело это довольно забавно. Слово по праву старшинства взял мой отец.

– Мой венценосный брат, мы не видим среди вашей свиты жениха нашей дочери. Он не смог прибыть? – с неприязнью поинтересовался он.

– Это моя вина, мой венценосный брат, – склонил голову рушец.

Я впервые видела этого типа, и, признаться, увиденное радовало мало. Высоченный даже с высоты моего роста, с мрачной суровой физиономией и широкими плечами, он казался огромнее Ланца, которого мы все звали медведем. Хоть и ненамного, но сам факт уже впечатлял. Интересно, его братец так же внушительно выглядит или все-таки менее солидно? Вообще, если верить данным из досье, должен быть на полголовы ниже, то есть – почти вровень со мной. А жалко, было бы забавно, если бы он оказался ниже. Но рушцы-мужчины вообще отличались высоким ростом и массивным телосложением.

– В чем же ваша вина?

– В том, что недостаточно внимания уделял его воспитанию, – поморщился он. – Сожалею, но мой брат не сможет выполнить взятые на себя обязательства... Я не договорил! – Рушец вскинул руку, призывая к тишине взроптавших при-

сутствующих. – Тем не менее я желаю сохранить достигнутые договоренности и надеюсь, что моя кандидатура удовлетворит моего венценосного брата и его благородную дочь.

– То есть вы лично женитесь на Александре? – Скрыть недоумение отец не сумел, да и вообще все присутствующие, включая рушцев, были в глубоком замешательстве.

– Если это искупит вину моего брата, – склонил голову рушец.

– Что ж, не буду лукавить, я удивлен таким поворотом. Но ваше благородство смягчает внезапность подобного решения. Дочь моя, подойди, – через плечо бросил отец, и я, протиснувшись между братом и кузеном, шагнула вперед. – Твой жених – император Руамар Шаар-ан, – проговорил он, вопросительно глядя на меня.

Уверена, если бы я сейчас отказалась, он бы разорвал договор. Но... война утомила всех, а я всего лишь поменяла одного кошака на другого – какая, по сути, разница?

– Рада знакомству, ваше величество, – сдержанно поклонилась я под пристальным взглядом рушца.

Многое бы я отдала за то, чтобы заглянуть в его голову в тот момент, когда взгляд желтых глаз оборотня скользнул по моей затянутой в парадный мундир фигуре, фиксируя каждую мелочь. Против подобной формы одежды, кстати, не возражал никто: последние пятнадцать лет представить меня в платье не мог даже отец, для которого я по-прежнему оставалась его «милой малышкой».

К сожалению, прочитать что-то по хмурой физиономии будущего мужа оказалось невозможно. Хотя я искренне надеялась, что он испытывает ужас и отвращение и, стало быть, не пожелает сделать наш фиктивный брак настоящим. Этого-то в договоре не было, данный аспект жизни давался на откуп самим супругам. И мне очень не хотелось ложиться под оборотня. Нет, если будет настаивать, придется пойти и на это, но... я бы предпочла обойтись.

Ничего хорошего от этого брака я не ждала изначально. Но если с младшим братом императора, существом слабохарактерным и вообще довольно жалким, я имела шанс ужиться именно в той роли, к которой привыкла, то с самим Руамаром все было куда сложнее.

Дальше следовали иные положенные по этикету расшаркивания, в которых я почти не принимала участия, вместо этого с любопытством наблюдая за своим будущим мужем. Отец всегда отзывался о нем уважительно, и нынешний поступок говорил в его пользу. Ну или в пользу того, что Рушу действительно очень нужен этот мир.

В отличие от своего светловолосого брата Руамар был рыжим, и это было по меньшей мере забавно, учитывая мою собственную масть. Только оттенок против моего огненно-яркого был более темный, медный, и веснушек у императора не было. Длинные, до лопаток, волосы были собраны в низкий хвост, между прядей выглядывали заостренные кончики ушей, увенчанные несерьезными меховыми кисточ-

ками. Странно, я прежде не обращала внимания, что у них уши мохнатые; не целиком, а только на кончиках.

Черты лица оборотня были строгие, правильные и напроць лишенные утонченности. Тяжелая челюсть, тонкие губы, густые насупленные брови и глубоко посаженные желтые глаза с кошачьими вертикальными зрачками. Полное соответствие портрета заявленной характеристике: волевой, жесткий до жестокости, решительный, бескомпромиссный, но способный иногда признавать свои ошибки. Отличный император, но как же не повезет его жене!

Мне то есть. Хотя тут еще неизвестно, кому не повезло больше.

– Не обижай котятков, полковник, – насмешливо напутствовал меня Ланцелот, когда мы прощались по-семейному: сцепившись правыми руками перед грудью, локоть к локтю, наградили друг друга сильными хлопками по плечам свободными ладонями.

– Сам будь осторожнее, не раздави молодую жену, – хмыкнула я в ответ.

– Если что – пиши, я всегда на связи, – сказал брат, когда дошла очередь до прощания с ним.

– Если что, пусть они пишут, прилетишь спасать. – Мы обменялись понимающими улыбками, и я попала в руки отца.

– Извини, девочка, кто же знал, что оно вот так повернется, – мрачно проговорил он, сжимая меня в крепких объятиях.

– Да ладно, какая разница: один кошак или другой, – шепнула я. – О девчонке их позаботься, не ровен час, помрет от страха.

– Это к Ланцу, – едва заметно улыбнулся он в ответ.

– Ваше величество, я готова идти. – Развернувшись через левое плечо, я щелкнула каблуками начищенных до блеска сапог.

Руамар в ответ едва заметно поморщился и кивнул. Потом с некоторой озадаченностью огляделся и уточнил:

– Ваше высочество, где ваши вещи? Мои люди заберут их.

– Вещи? – озадаченно переспросила я. Машинально похлопав себя по карманам, обернулась к родным. Ланц с Алексом растерянно переглянулись, потом кузен хлопнул себя ладонью по лбу, обернулся, кого-то окликнул и развернулся обратно с небольшой сумкой в руках, которую гордо вручил мне. Ах, ну да, я же помню, что я все собирала! – Да, теперь точно все.

– Это *все*? – подозрительно уточнил рушец.

– Да, ваше величество, – кивнула я, мысленно перебирая собранные вещи. – Определенно.

Оборотень окинул меня очень странным взглядом, но больше ничего не сказал. Неопределенно кивнул в сторону, и кто-то из его сопровождающих с поклоном забрал мое имущество.

После меня состоялась передача рушки, и я сообразила, что так удивило моего жениха. Вечно забываю, что моя

склонность к минимализму не является чертой всех без исключения женщин.

Рулана держалась молодцом, хотя было видно, как она трясется, нервно озираясь по сторонам. Хотя и странно: по сравнению с ее братцем Ланцелот – настоящий милашка. Рыжий, как я, очень улыбочивый и обаятельный, с яркими зелеными глазами и задорными веснушками. Но, пронаблюдав прощание старшего брата с младшей сестрой, я нашла объяснение и этому факту: своего императора девочка боялась еще сильнее, чем людей, и особого тепла в их отношениях не наблюдалось.

Интересно, ему просто было не до общения с ближайшими родственниками или он в самом деле настолько суров? Впрочем, одно другому не мешает.

Императоры раскланялись, вслед за ними раскланялись остальные, и Руамар молча предложил мне локоть. К подобному способу передвижения я не привыкла, но послушно уцепилась за предложенную конечность. Хотя и чувствовала себя в этот момент довольно глупо.

Но в последнем был виноват не мой будущий муж, а общий вид делегации оборотней. В империи Руш был очень теплый климат, поэтому в гражданской жизни двуликие одевались в легкие яркие многослойные струящиеся одежды сложной конфигурации. Только у охраны форма была черного цвета да наряд императора выгодно выделялся благородной темной зеленью. И среди всего этого великолепия

я смотрелась как воронья кобыла парадного полка посреди дворцовой клумбы: черные узкие сапоги, черные обтягивающие лосины, благородного стального цвета сюртук с серебряным шитьем и эполетой, белая рубашка, черный шейный платок и тонкие белые перчатки.

Путь по сухому выкошенному полю до дирижабля был коротким и прошел в молчании. Даже сопровождающие лица не рисковали громко шушукаться, нарушая тишину, и явно избегали смотреть в нашу сторону. То ли они так относились к своему правителю, то ли их так шокировал мой внешний вид, причем первое предположение представлялось куда более вероятным.

А я с интересом разглядывала их вблизи: одетых в гражданское и в естественной среде.

В основной своей ипостаси рушцы практически неотличимы от людей. У них даже вертикальные зрачки – редкость; насколько я знала, это было свойственно только некоторым особям. Не то более сильным, не то просто более близким к зверю. В остальном – похожее телосложение, та же разноцветная масть от откровенно блондинистого до черного.

Истоки конфликта двух соседствующих империй терялись в веках, и никто уже не мог вспомнить, с чего все началось. Наверное, именно из-за этого внешнего сходства и генетической близости. Наличие общих предков, близкая психология – все это раздражало оба вида. Мы считали их дикими животными, они нас – беззубыми мягкотелыми слабака-

ми. Было бы лицемерием обвинять в этом конфликте только Руш, все были хороши; просто оборотни первыми перешли от мелких пограничных стычек к полномасштабным военным действиям.

Война длилась двадцать три года, измотала обе империи, но по совокупности сил между ними по-прежнему сохранялся паритет. Император Шидар, отец моего будущего мужа, был очень упрямым типом и так до конца жизни не признал, что начинать войну для него было ошибкой. Сам Руамар оказался существом более миролюбивым (чего по его лицу не скажешь) или, скорее, внимательным. Он бросил взор по сторонам, увидел разруху и упадок, особо отметил довольно скалящихся соседей и... предложил пойти на мировую. Последние два года на фоне вялотекущего противостояния шли переговоры, которые сейчас наконец-то завершились. Повторюсь, выкинув из жизни двадцать лет, каждый остался при своих интересах.

Хочется надеяться, два вида все-таки научатся жить в мире не только на бумаге, но и в реальности. Правда, боюсь, случится это не на моем веку.

Внутренняя отделка императорского дирижабля дышала благородной роскошью, все было аккуратно и очень изящно; больше похоже не на транспортное средство, а на небольшой дворец. Руамар лично проводил меня в мои покои, смежные с его собственными. Граница пролегла между двумя гостиными, дальше шли спальни и ванны комнаты. В общем,

опять-таки полная иллюзия дворцовой обстановки.

– Осваивайтесь, ваше высочество, – предложил мне император. – Мне нужно отдать некоторые распоряжения, после чего я зайду к вам обсудить ряд вопросов.

– Разумеется. – Я склонила голову в ответ. На этом он действительно меня покинул, и я огляделась уже внимательней.

Здесь было вполне уютно и, что меня особенно порадовало, отсутствовал типично женский оттенок обстановки. Я бы очень расстроилась, если бы комнаты были оформлены, например, в розовом цвете. Доминировал зеленый, но более светлого оттенка, чем у императора, присутствовали синий, бирюзовый, серебряный и золотой, причем последние два – очень незначительно. В общем, оглядевшись, я пришла к выводу, что мой вкус совпадает со вкусом того, на кого ориентировался автор этих интерьеров. То есть, вероятно, императора. И это внушало некоторый оптимизм.

Выполняя высочайшее повеление «осваиваться», я поставила ножны с клинком в угол, сбросила сюртук на спинку кресла, следом полетели ненавистная удавка и перчатки. Распустив ворот рубашки, я подхватила сумку и отправилась разбирать вещи. С чем, впрочем, покончила очень быстро; годы военной службы приучили к неприхотливости, да я и в детстве никогда не была привередливой.

Проинспектировав ванную комнату, я задумалась, не принять ли душ, но решила отложить это на потом. Будет довольно некрасиво, если император придет для обещанного

разговора, а я как раз буду плескаться в ванне.

Меж тем я нашла в гостиной бар с великолепным набором напитков и плеснула себе полбокала хорошего вина. Правда, за что именно пить, так и не определилась: не то за собственное семейное счастье, не то – за собственный же упокой. В итоге решила пожелать себе здоровья и терпения, оно никогда лишним не будет – ни на том свете, ни на этом.

Император не заставил себя долго ждать, я успела сделать всего пару глотков.

– Вина, ваше величество? – поинтересовалась я со своего места, поленившись приветствовать гостя стоя. Он окинул меня задумчивым взглядом, подошел к столу, взял в руки бутылку. Чему-то усмехнулся и качнул головой.

– Я сам налью, – сказал и достал из бара еще один бокал. Неторопливо устроившись в соседнем кресле, плеснул себе рубиновой жидкости и, отсалютовав мне, слегка пригубил. – Почему вы носите мундир, Александра?

– Разведка Руша настолько плохо работает? – не удержалась я от усмешки. – Или вы не посчитали нужным ознакомиться с подробной информацией? Или это просто повод начать разговор?

– Это любопытство, – пожал плечами мужчина. – Разведка не интересуется личными мотивами, а меня сейчас интересуют именно они. Насколько я знаю, армейский чин не обязывает к ношению формы в свободное от службы время.

– То есть вам интересно, почему я предпочитаю мундир

платью? – с искренним недоумением уточнила я. Он только кивнул. – Ваше величество, а вы бы что предпочли? – Кажется, улыбка получилась ехидной, но собеседник и бровью не повел, продолжая сверлить меня взглядом в ожидании развернутого ответа. – Если бы вы внимательно посмотрели на одежду уроженок моей страны, у вас не возникло бы подобного вопроса. Во-первых, я привыкла, а во-вторых и главных, это объективно удобнее. Здесь только одна удавка – шейный платок, а там – целый корсет, юбка путается в ногах, декольте при резком движении норовит сползти с груди, да еще обувь совершенно чудовищная. Я ответила на ваш вопрос?

– Да, вполне, – задумчиво кивнул император. Однако выставлять мне ультиматумов «никогда больше» и критиковать мои штаны не стал. Зачем тогда спрашивал?

Вместо этого он погрузился в сосредоточенную задумчивость, продолжая при этом буравить меня взглядом.

– Вы пришли поговорить именно об этом? – подбодрила я его, когда подобное положение вещей начало раздражать.

– Нет. Я пришел обсудить некоторые аспекты нашей будущей совместной жизни. – Он качнул головой, будто очнувшись. – Скажите, ваше высочество, у вас были мужчины?

Ишь ты как официально.

– Нет, ваше величество, – спокойно ответила я. Когда много общаешься с военными, большинство из которых – мужчины, и когда эти военные принимают тебя за своего,

смущаться прекращаешь очень быстро. Смущаться *любых* тем разговора.

– Это все осложняет, – поморщился он.

– Почему? – иронично поинтересовалась я. – Я всегда полагала, что это, напротив, является женской добродетелью.

– В целом да, – медленно кивнул император. – Но не в данном случае. Что вы знаете о физиологии нашего вида? Точнее, об аспекте интимных отношений и брачных игр.

– Я полагала, они идентичны нашим привычкам. Видимо, это не вся информация, – совершенно растерялась я. – Кроме того, я полагала, именно вы будете настаивать на фиктивности нашего брака. Разве нет?

– Я кое-что объясню вам, и вы поймете, что это просто невозможно. – Он опять недовольно скривился. – Мы во многом, почти во всем, ориентируемся на запахи. Все эмоции, все ощущения и состояния имеют свой запах: гнев, обида, радость, болезнь. Супруги в нашем представлении должны пахнуть друг другом: это один из основных признаков того, что брак, во-первых, заключен, а во-вторых, успешен. Если этого не будет, мой же собственный народ посчитает все это обманом. Сейчас слишком многие считают этот мир слабостью, чтобы я мог позволить себе дать им подобный козырь. Это понятно? – Руамар уставился на меня, я машинально кивнула. Что уж тут непонятного! – Отлично, дальше. По этой же причине не будет никаких измен, даже намек на них. Я могу рассчитывать на вашу разумность

в этом вопросе? – Еще один пристальный взгляд, и снова я ограничилась кивком.

Как легко с ним разговаривать, просто генерал Звейн, раздающий приказы. Лишний раз откроешь варежку не вовремя – выговор с занесением.

От этого сравнения мне стало весело. Ох, представляю я свою грядущую «семейную» жизнь!

Император пару секунд молчал, разглядывая меня сквозь подозрительный прищур – настроение учуял, что ли? Правда, замечания опять не сделал, только тихонько хмыкнул себе под нос. Хотя, может быть, мне просто послышалось.

– Теперь о физиологии. От природы мы весьма агрессивны. «Мы» – это половозрелые мужчины вида, все без исключения. И, разумеется, чем ближе конкретный индивид к зверю, тем эта черта сильнее выделяется. Наш Первопредок – хищник-одиночка, не терпящий конкуренции на своей территории, и эту черту мы унаследовали полностью. Есть два способа контролировать свое настроение. Дальше догадаетесь?

– А что тут гадать? – Я пожала плечами, с некоторым недоумением наблюдая за мужчиной. Он вел себя странно: прикрыв глаза, перегнулся через подлокотник кресла в мою сторону, явно принюхиваясь. – Секс и мордобой. Не так уж сильно мы отличаемся, просто у нашего вида эти черты выражены гораздо слабее. Я поняла, к чему вы клоните. Если вы начнете избивать своих подданных, они этого не оценят,

и, учитывая невозможность измены, вариант остается только один. Если вас все устраивает, то... ваше величество, с вами все в порядке? – не выдержала наконец я. Потому что он не то заснул, не то впал в какой-то транс: дыхание глубокое и частое, ноздри нервно подрагивают, как будто норовя принять звериные черты, а сжимающая подлокотник рука и вообще замерла на полпути между ладонью и лапой, запустив когти в обивку.

– Более чем, – ответил он, распахнув глаза. Выглядели они жутковато: желтые, зрачок вытянут в ниточку. Того и гляди, бросится! Мужчина пару раз моргнул, и глаза приняли более привычный вид. Уточнять, на который из вопросов он сейчас ответил, я на всякий случай не стала. – И еще один момент, касающийся брачного обряда. Неизбежной его частью является прием некоего зелья, которое мы называем «кровью Первопредка». Химический его состав вам будет малоинтересен, важно другое. На наш вид оно действует как сильнейший афродизиак, как оно повлияет на человека – предсказать невозможно. Что я точно могу гарантировать, отравиться вы им не отравитесь, а вот сработает ли основное свойство – неизвестно.

– Зачем такие сложности? – растерянно уточнила я.

– Это не сложности, – рушец пожал плечами, – не всегда браки заключались и заключаются по обоюдному желанию, и не всегда супругам везет понравиться друг другу на уровне запахов. Как я уже говорил, обоняние во всей нашей жиз-

ни играет огромную роль, и если запах неприятен... Женщину, которую не привлекает мужчина, хотя бы теоретически можно не спрашивать, брак будет заключен в любом случае. А вот если мужчине неприятна женщина, с этим могут возникнуть определенные технические трудности. Это потом, когда запахи смешаются, проблема будет стоять менее остро. Если на вас это средство подействует так же, как на наших женщин, все будет хорошо, но вероятность этого довольно мала. Поэтому, чтобы в дальнейшем не было вопросов и претензий, предупреждаю сразу. Под этим средством я буду совершенно невменяем и позаботиться о вашем состоянии и комфорте не смогу. Навредить женщине всерьез ни один мужчина не сможет, но царапины и укусы практически неизбежны, не говоря уже о том, что сделать все осторожно я не сумею. Так что вам в любом случае будет больно и по меньшей мере неприятно. Ах да, настоятельно не советую сопротивляться или, хуже того, убегать. У вас это в любом случае не получится, так что не дразните лишний раз зверя. Можно рискнуть и попробовать какое-нибудь обезболивающее, но как оно сработает вместе с «кровью Первopедка», я не знаю. В принципе есть шанс, что поможет местная анестезия, но...

– Не стоит беспокойства, ваше величество, – перебила его я. – Не будем рисковать, потому что на некоторые обезболивающие мой организм реагирует очень странно. Надеюсь, с этой «кровью» такой проблемы не будет, но лучше бы

иметь под рукой квалифицированного медика. Благодарю за предупреждение и обещаю, что не доставлю дополнительных проблем. Я умею терпеть боль.

– Хорошо, что вы предупредили, – кивнул он в ответ. – Я обеспечу присутствие на церемонии доверенного лица, способного оказать вам медицинскую помощь в случае непредвиденной реакции. На этом, полагаю, все, если у вас нет никаких вопросов.

– Только один. Чем я могу заниматься в нашей совместной жизни вне постели? – иронично поинтересовалась я.

О мирной жизни оборотней я знала крайне мало и совсем не удивилась бы, если бы их миниатюрным хрупким женщинам полагалось посвящать дни вышивке и прочим не вполне адекватным, с моей точки зрения, занятиям.

– Чем угодно, – поморщился он.

Мне показалось, будущий муж просто не понял, что я имею в виду, но уточнять я благоразумно не стала: полученный ответ меня полностью устраивал.

Воздушное пространство империи Руш, замок Варуш Император Руамар Шаар-ан

Клянусь когтями Первопредка, это достойная шутка судьбы.

Внешность принцессы Александры меня волновала мало, куда важнее был запах и характер. Хотя наружность женщины, честно сказать, в первый момент удивила: она действи-

тельно была очень высокой, вровень даже с некоторыми нашими мужчинами, а с женщинами и сравнивать было бессмысленно. Одно дело читать сухие цифры и совсем другое – видеть ее вживую. При этом она, впрочем, обладала вполне женственной фигурой, которую строгая одежда военного покроя только подчеркивала.

Что касается запаха, после нескольких секунд общения с человеческой делегацией я вздохнул с облегчением. Различить подробнее на фоне стольких незнакомых людей было невозможно, но стойкого отвращения она у меня не вызывала.

Проведя же некоторое время наедине с будущей женой, я сделал еще несколько приятных открытий. Во-первых, ее запах мне понравился. Не до помешательства, когда от него невозможно отвлечься (к подобным вещам я всегда относился с подозрением), но до той степени, когда общество существа можно не просто терпеть, а получать удовольствие от его присутствия. На фоне этого все остальное почти не имело смысла, но не отметить «во-вторых» было невозможно. А именно характер принцессы. Умна, рассудительна, сдержанна, не болтлива и не скучна. И, я предполагаю, верна своему слову. Не будь она человеком, на роль императрицы подошла бы идеально, и лучшей кандидатуры я не нашел бы, даже если бы выбирал сам. Что ни говори, Димир воспитал достойную дочь.

А еще она совершенно меня не боялась, и это было неожи-

данно. Даже ее отец относился с разумным опасением, а эта женщина была совершенно спокойна. Учитывая прочие аспекты ее поведения, я пришел к выводу, что она просто эмоционально холодна. Что поделаться, хорошая императрица – плохая любовница, тут что-нибудь одно.

Сделав выводы, я выкинул будущую жену из головы до прибытия домой: у меня было слишком много работы, чтобы отвлекаться на пустые хлопоты. Ее всегда было слишком много, а восстановление и переориентация практически лежащей в руинах экономики, полностью сосредоточенной на военных нуждах, и вовсе в этом отношении напоминали черную дыру. Правда, пару раз я все-таки заглянул в соседние покои, чтобы оценить общее состояние ее высочества. Мы ни разу не пересеклись, но, судя по наполняющим пространство запахам, Александра была спокойна, здорова и... чистоплотна. Что было очередным плюсом ее характера.

Неспособность артефактов связи внятно работать на подвижных объектах сильно осложняла жизнь. Особенно когда требовалось оперативно уточнить некоторые вопросы. Но зато она позволяла во время пути сосредоточиться на ворохе документов, прихваченных мной из рабочего кабинета именно с этой целью.

Сортировка входящей корреспонденции по жанрам и степени важности теоретически являлась обязанностью секретаря, но... Вагур, занимавший при мне эту должность, был исполнителен, патологически предан и прост как стул,

на котором сидел.

Что поделать: ум, верность и трудолюбие очень редко сочетаются в одном индивиде, все обладатели подобных качеств у меня наперечет и занимают гораздо более серьезные должности. Скажем, выбирая между секретарем и начальником разведки, я все-таки предпочту проверенного специалиста на последней должности. При наличии определенной привычки сортировка документации занимает не так много времени, зато можно быть уверенным, что ни по незнанию, ни с умыслом никто ничего не перепутает и никакая бумажка не пройдет мимо. С оговорками, конечно, но так все же надежней.

В мое отсутствие эта работа свалилась на и без того вечно зашивающегося Мунара Инварр-ара – собственно, того самого начальника разведки и контрразведки, заодно занимающегося уголовными преступлениями имперского масштаба, – а сам я взял в дорогу финансовую документацию, требующую подробного вдумчивого анализа. Тоже в общем-то не вполне императорское занятие, но найти вменяемого казначея в свое время не мог еще и Шидар. И ведь даже угроза смерти не останавливала их от попыток хапнуть побольше!

К собственному удивлению, дела я закончил за несколько часов до прибытия. Прикинув, на что бы потратить внезапно образовавшееся окно, принял единственно правильное решение и лег спать. Пообщаться с беззубой я еще успею, а вот когда в следующий раз выдастся возможность выпать-

ся вволю – большой вопрос. Да и перед обрядом стоило как следует отдохнуть. По моим прикидкам мы должны были прибыть часа за два до заката, в момент которого и принято было проводить церемонию, так что времени должно было в обрез хватить на решение самых неотложных вопросов.

К месту проведения ритуала, точнее, подготовки к нему, Александру я планировал сопровождать лично. Это было необязательно, но считалось знаком симпатии между будущими супругами, и не воспользоваться такой возможностью лишний раз показать подданным, насколько у их императора все серьезно, было бы глупо.

– Вам удалось отдохнуть в пути? – поинтересовался я, когда мы с принцессой сходили по трапу.

– Даже слишком. Бездействие здорово утомляет, – таким же светским тоном ответила она и неожиданно спросила: – Ваше величество, что еще мне следует знать о предстоящем обряде? Как он вообще проходит? И, главное, в какой именно момент нам предстоит выпить это... зелье?

– Правильные вопросы. – Я усмехнулся, забираясь в недра небольшого крытого экипажа вслед за проигнорировавшей предложенную помощь и легко вспорхнувшей в повозку принцессой. – Собственно, именно об этом я и хотел с вами поговорить по дороге. Подготовка к обряду носит главным образом бытовой характер и бывает нужна именно женщине. Омывание и особый массаж со специальными эфирными маслами помогут разогреть и размять тело, частично подго-

товив к заключительной части обряда. После этого вас оденут в ритуальные одежды и проводят к алтарю. Ах да, учитывая ваши предпочтения в одежде, хочу предупредить: в этом вопросе отступления невозможны. Ритуальная одежда одинакова для всех, от золотаря до императора. Я могу на вас положиться?

– Вы имеете в виду, не устрою ли я истерику из-за неподходящего платья? – усмехнулась Александра. – Не волнуйтесь, обещаю вести себя прилично.

– Замечательно, – кивнул я и продолжил: – Собственно, сама процедура заключения брака довольно проста: «кровь Первопредка» разливается в ритуальные чаши, над которыми надсекаются запястья пар, проходящих ритуал. Зелье с моей кровью выпьете вы, с вашей – я. После этого вы в сопровождении присутствующих женщин проследуете в спальню, где к вам спустя некоторое время присоединюсь я. Обычно все это сопровождается традиционными песнями, но в нашем случае, полагаю, петь будет некому: на церемонию соберется, как я уже говорил, немногим более десяти самых доверенных лиц. Если все пойдет как положено, к моему появлению вы уже будете не в себе, да и я, полагаю, тоже.

– А зачем разводить будущих супругов по очереди? – растерянно уточнила принцесса. – Выпили бы на брудершафт, да и в спальню.

– В таком случае велик шанс не дойти до спальни, – насмешливо фыркнул я. – Прецеденты были, – бросил в от-

вет на ее полный недоверия взгляд. — Под воздействием зелья инстинкт остается только один, очень узконаправленный и сосредоточенный на том двуликом, чья кровь была смешана с «кровью Первопредка».

— А вы уверены, что те самые ваши подданные, которые против заключения мира, не попытаются воспользоваться ситуацией? Вас-то они вряд ли тронут, а вот меня... Я не могу назвать себя трусихой, но жить все-таки хочется, — добавила она, и невысказанное «даже здесь» можно было прочитать по ее глазам.

— На этот счет не волнуйтесь, они тоже хотят жить. — Я позволил себе мстительную ухмылку. — Видите ли, под действием зелья оба участника обряда отлично чувствуют друг друга на любом расстоянии, и если вдруг с вами что-то случится... В общем, не стоит беспокоиться, до конца обряда вас не тронут. А после я вполне сумею обеспечить вашу безопасность при условии вашего благоразумия. Но в нем я почти не сомневаюсь.

— Польщена, — с преувеличенно серьезным видом кивнула она. — А что от меня потребуется после обряда?

— После обряда и обсудим, — отмахнулся я.

На этом разговор прервался: мы прибыли на место, и я первым выбрался из экипажа. Эскорт как по команде рассыпался в охранное построение. Претензий к страже в связи с этим быть не могло, только поощрение; но созерцание отбивающихся хвостами от оводов конских задниц мало кому

могло доставить удовольствие.

Святылища Первопредка всегда располагались в естественных пещерах. Более того, города возникали именно рядом с ними. Почти все, кроме самых древних вроде Агары, но об этом «почти» осведомлены весьма немногие, а уж о причинах и конкретной дате такого перелома и вовсе никто не знал. Но столице повезло, она раскинулась на скалистом берегу, буквально изрезанном гротами, и на определенном этапе найти подходящий не составило труда.

Возле истертых морским ветром и тысячами ног ступеней, вырезанных в скале и ведущих вниз, к парадному входу святылища, нас уже встречали. Трое послушниц, непрестанно кланяясь и боясь поднять взгляд от серого камня под ногами, приняли мою невесту с рук на руки. Александра коротко поклонилась, по-военному щелкнув каблуками, я тоже кивнул в ответ, не удержавшись от недовольной гримасы.

Этот жест в ее исполнении раздражал. В чем-то Мурмар был прав: на женщину моя будущая жена походила только фигурой. Но, с другой стороны, она вполне могла оказаться избалованной, изнеженной и истеричной девицей, и в сравнении с подобной альтернативой солдатские привычки меркли.

Проводив взглядом принцессу, скалой возвышавшуюся над сопровождающими и со спины (если не опускать взгляд ниже талии) способную легко сойти за мужчину, я развернулся к ожидающему эскорту.

– Какие будут распоряжения, ваше величество? – уточнил командир отряда, видя, что я сам не спешу проследовать в святилище.

– Во дворец, а там видно будет, – отмахнулся я, забираясь в экипаж.

Расчет оказался верен. Встретиться с казначеем и братом я, конечно, не успел, да и не хотелось портить себе настроение перед такой выматывающей процедурой, как связующий обряд, а вот перекинуться парой слов с Инварр-аром и уточнить последние распоряжения относительно ритуала удалось.

Присутствовать должны были, не считая охраны и жречества, двенадцать доверенных лиц; четверо из них с женами, приглашенными в качестве эскорта для невесты. В общем-то в отношении последних можно было ограничиться Зарой, супругой Мунара: со всеми неожиданными неприятностями она вполне могла справиться в одиночку, выучка позволяла, но это выглядело бы как неуважение и пренебрежение. Тем более что грань приличия требовала присутствия пяти-шести.

В урочный час все участники и свидетели обряда заняли свои места. Я встал подле алтарного камня по правую руку от старшей жрицы, а через несколько мгновений из бокового прохода показалась Александра с сопровождавшими ее послушницами.

Святилище оказывало гнетущее действие на всех, кроме

служителей. А может, и на тех тоже, просто они это умело скрывали. Первопредок не терпит посягательств на свою территорию и для своих потомков исключения не делает. Ощущение недовольства незваными гостями буквально пропитывало воздух.

Низкая гулкая темная пещера освещалась только флуоресцирующим мхом, которым поросли каменные своды; нашему ночному зрению этого вполне хватало, а вот принцессе, кажется, было не по себе. Она щурилась, пристально глядя под ноги, и недовольно морщилась, когда острые камни впивались в босые ступни, но не издавала ни звука. От нее едва уловимо пахло кровью и – весьма отчетливо – раздражением. Ей можно было только посочувствовать: ритуальные одежды состояли из одной лишь рубахи некрашеного полотна, одинаковой для обоих участников, и не предусматривали никакой обуви. А дополнительного освещения Первопредок тем более не потерпел бы.

Когда послушницы проводили будущую императрицу на положенное место, та все-таки не удержалась от облегченного вздоха, хотя раздражение и недовольство из ее эмоционального фона никуда не делись. Все это в сочетании с запахом ее кожи и массажных масел оказывало на меня странное воздействие: отвлекало, тревожило, заставляло принимать и искать ее взглядом.

И я вдруг понял, что эта женщина вполне может вызвать во мне желание и без всякой «крови Первопредка».

Впрочем, на ходе обряда это открытие никак не сказалось и ничего не изменило. Точно так же, как много раз до этого, древняя дряхлая старуха повторила затверженные навеки слова. Тот же самый обряд она проводила и для императора Шидара и, похоже, присутствовала при заложении этого святилища.

Выверенным жестом жрица подняла с алтаря ритуальную чашу, в которую с нависающего над алтарем сталактита капала «кровь Первопредка». С алхимической точностью разделила тягучую, темную, почти черную жидкость, лишенную запаха, на два грубо вытесанных из камня кубка, поверхность которых была отполирована тысячами тысяч ладоней наших предшественников. Не по-старчески сильными пальцами уцепила мое запястье и точным уверенным жестом опытного вивисектора в определенном месте надрезала кожу на строго выверенную глубину – чтобы не повредить сухожилия, но добыть нужное количество крови.

Императорская кровь редко проливается безнаказанно: при брачном обряде да при рождении наследника – ведь в жилах императрицы после обряда течет кровь ее мужа. Как гласят старые законы, все прочее карается смертью. Глупые законы, если разобраться; так недолго остаться без ближайшего окружения и без обеденных приборов и прочее и прочее заодно. Да и женскую физиологию они почему-то не учитывают...

Но и зерно истины тут тоже есть. Запах крови вожака про-

воцирует окружающих на агрессию. Кого-то — для защиты его власти, а кого-то — для попытки ее свергнуть, даже когда этой крови — несколько крупных капель, сброшенных жрицей в чашу. Некоторое время более легкая жидкость просто лежала на поверхности, не смешиваясь с зельем, и за это время жрица проделала ту же процедуру с человеческой принцессой. Беззубая даже не поморщилась, когда обсидиан ритуального кинжала рассек по-женски тонкую кожу.

Запахи смешались, и кровь в обеих чашах одновременно взбурлила багровыми искрами. Я удовлетворенно усмехнулся: хороший знак. Жрица сделала повелительный жест рукой, и я взял свой кубок, кивнув Александре. Та неуверенно обхватила тяжелый сосуд обеими руками и едва заметно улыбнулась чему-то своему.

Жидкость в кубке уже не напоминала ни «кровь Первопредка», ни кровь стоящей рядом со мной женщины. Почти прозрачная, испускающая едва заметный свет; сумеречное зрение плохо передает цвета, но я почему-то был уверен, что цвет этой жидкости напоминает либо цветочный мед, либо молодое белое вино. А запах...

Сложный, непонятный, отдающий то морским ветром, то жгучим перцем, то корицей, он один дурманил сильнее самого крепкого хадиша, какой мне доводилось пробовать в безмозгой юности. Я смерил старую жрицу взглядом; та стояла неподвижно, безучастная к происходящему вокруг. Александра тоже растерянно принюхивалась к своей

чаще, искоса поглядывая на меня и ожидая дальнейшей команды. Пауза затягивалась.

– Ваше здоровье, принцесса, – в конце концов отсалютовал я кубком и залпом опрокинул в себя его содержимое. Даже если это яд, мы не имели права его не выпить.

Вкуса у напитка почти не было, только легкий намек на запах смолы, как будто обыкновенную пресную воду некоторое время подержали в сосновой бочке. Я демонстративно перевернул кубок, показывая его пустоту, и в таком же положении вернул на алтарь. Принцесса слегка заторможенно, тревожно прислушиваясь к собственным ощущениям, аккуратно повторила мои действия.

Жрица кивнула, что-то пробормотав себе под нос, бросила на меня странный изучающий взгляд и велела женщинам увести мою без пяти минут жену.

А буквально через пару секунд после того, как она исчезла из виду, я почувствовал, что зелье начало действовать.

Состояние было странное, и я все никак не мог понять, считать его приятным или наоборот. Сердце гулко стучало в горле, а мысли в голове категорически не желали собираться в связные цепочки, постепенно вовсе вытесняясь ощущениями. Восприятие обострилось до такой степени, что я слышал все шорохи в соседних пещерах, мог разглядеть каждую трещинку в камне, а запахи... они были настолько точными и подробными, будто я не ощущал их, а читал книгу. И все это сопровождалось состоянием эйфории, сокрушительного

удовольствия просто быть.

Я стоял неподвижно, каждой клеточкой собственного тела ощущая окружающий мир, прорастая в него, пропуская его в себя и чувствуя себя всемогущим, способным своей волей погасить солнце или поднять со дна океана новый материк. Все вокруг казалось фантазией, моей фантазией, прихотливо изменяющейся по моей воле.

– Почему Арида отправила ее так быстро? – тихо спросила одна послушница у другой, постарше. Девушки втроем подглядывали за происходящим из-за угла, и их искреннее любопытство, замешенное на легком опасении быть пойманными, добавляло сладковатый привкус тревожному напряженному ожиданию стоящих позади меня мужчин.

– А ты что, хотела, чтобы император завершил обряд прямо здесь или – хуже того – где-нибудь посреди улицы? – язвительно отозвалась самая старшая. – Ты на него посмотри! Никогда не видела такой стремительной и сильной реакции, даже страшно!

Слова любопытных послушниц, равно как и сам факт их существования, проскользнули по краю восприятия, оставив меня равнодушным. Я только мельком удивился, какие интересные образы способна породить моя фантазия.

Мне сейчас было не до них. В эйфории бытия чувствовалась какая-то фальшь, едва уловимая за ощущением восторга. Чего-то не хватало, что-то было неправильно, какая-то мелочь не давала полностью раствориться в удовольствии.

И чем больше я об этом думал, тем сильнее этот диссонанс тревожил. Звуки... образы... запахи...

Запах. Едва уловимый след, воспоминание о присутствии; но, уловив его, я на несколько мгновений забыл, как дышать. Вся эйфория, все стремления и ощущения схлынули, вытесненные единственным желанием – найти обладательницу этого запаха и заявить на нее свои права, обладать ею. Запах звал, манил и обещал наслаждение. Запах утверждал, что она хочет того же.

Долго думать я не стал. Мгновение, и вот уже по камням бесшумно ступают мягкие звериные лапы. В этой второй ипостаси было гораздо проще идти по следу, да и быстрее. И кроме ведущего меня запаха в окружающем мире меня ничто не интересовало: ни испуганные возгласы посторонних, ни расстояние.

Империя Руш, замок Варуш

Императрица Александра

Я давно не чувствовала себя настолько погано; наверное, с эйдорской лихорадки, перенесенной два года назад в полевом госпитале. Кожа местами саднила, местами горела, а местами просто банально болела, в висках ломило (надо полагать, от этого их афродизиака). При этом меня еще мучило, по всему телу разливалась противная липкая слабость, а еще было жарко и душно. Очень хотелось уснуть и не просыпаться до полного выздоровления.

Ясные воспоминания о прошлом заканчивались на холодной, почти пустой пещере, в которой шевелились невнятные тени. Хорошо местным, они в темноте видят, а я пока дошла – все ноги подрала об острые камни. Потом был какой-то странный напиток, в котором привкус крови совершенно отсутствовал, зато присутствовала какая-то пряность, и... пожалуй, все. Потом урывками была дорога, какие-то странные образы и провалы восприятия на фоне немотивированной эйфории. Судя по всему – и по тогдашним галлюцинациям, и по нынешней помойке во рту, – эта их «кровь Первопредка» представляет собой какое-то наркотическое вещество. Какое-то весьма тяжелое наркотическое вещество...

Я искренне надеялась, что меня по крайней мере на день оставят в покое и не понадобится никого принимать и ни с кем встречаться. Когда я болею и плохо себя чувствую, я становлюсь ужасной мизантропкой. Предпочитаю страдать и мучиться в одиночестве, а посторонние меня раздражают.

Заставляя окончательно очнуться, жар и духота вдруг исчезли, и меня, наоборот, бросило в холод. Я открыла глаза, чтобы все-таки понять, где нахожусь, и столкнулась с пристальным немигающим взглядом желтых глаз императора. Моего, – теперь уже, наверное, в полном смысле – мужа. Зрачки его опять представляли собой узкие щелочки, выражение лица не поддавалось определению, а ноздри раздувались – он тщательно принюхивался. Несколько секунд он

продолжал меня гипнотизировать, пару раз торопливо моргнул, и зрачки опять приняли близкую к кругу форму. А потом он вдруг наклонился и, прикрыв глаза, медленно и сосредоточенно провел языком по глубокой царапине у меня на груди. Опять принюхался и повторил свое действие уже уверенней.

– Ваше величество, что вы делаете? – озадаченно уточнила я чуть сиплым со сна голосом, порываясь подняться.

– Лежи и не дергайся, женщина, – недовольно процедил он, прижав меня ладонью к постели. – Я тебя лечу.

– Может, проще позвать доктора и достать аптечку? – неуверенно предложила я.

– Не проще, – недовольно рыкнул император, раздраженно сверкнув на меня своими кошачьими глазами. И я благодарно замолчала и замерла, решив не спорить. В конце концов, может, у них так принято. Вместо утреннего умывания.

Однако через некоторое непродолжительное время я с удивлением поняла, что «лечебная процедура» действительно имеет эффект. Теплые влажные прикосновения как будто стирали с кожи болевые ощущения. Не до конца, но весьма ощутимо их облегчая. Более того, еще через некоторое время, когда рушеч перевернул меня на живот и занялся царапинами на спине, я с еще большим удивлением обнаружила, что подобные прикосновения мне приятны. В самом что ни на есть физиологическом смысле: это странное

вылизывание доставляло мне удовольствие.

Мужчина к процессу подходил весьма ответственно, не пропуская ни одной царапины и ни одного синяка. Более того, закончив со спиной и плечами, он спустился ниже, к особенно пострадавшим ягодицам и бедрам.

– Ваше величество! – не то озадаченно, не то встревожено окликнула его я. Нет, я не то чтобы возражала: в конце концов, там я действительно пострадала сильнее всего, да и неприятными возникающие в теле ощущения я бы тоже не могла назвать, но... Как-то это все было неожиданно.

В ответ прозвучал только тихий, раздраженный, совсем нечеловеческий не то рык, не то ворчание, и больше никакой реакции не последовало.

Время шло. На мои неуверенные попытки пошевелиться ответ был один – то же недовольное ворчание и прижимающая к постели тяжелая мужская ладонь. Боль и прочие неприятные ощущения сначала отступили, потом вовсе где-то потерялись, уступив место сладкому томлению. Потом мужчина легко перевернул меня на спину и вернулся к прерванному занятию.

– Руамар, что ты... – неуверенно пробормотала я – и загнулась. Вздвогнув от нахлынувших ощущений, вцепилась пальцами в простыни, судорожно вздохнула; а мужчина, как будто этого и не заметив, продолжил свои действия.

Не раз и не два за годы жизни меня посещала мысль ответить на намеки кого-нибудь из офицеров взаимностью. Было

как-то обидно умирать, так и не познакомившись с этой стороной человеческого бытия. Но, с другой стороны, ложиться с кем-то в постель из любопытства было просто противно. Да и о титуле и обстановке никак не получалось забыть; наличие неуставных отношений в подразделении, тем более – со мной, могло привести к непредвиденным конфликтам личного характера. Это могло расцениваться как аванс, некое... обещание помощи, что ли? В общем, каждый раз включался разум и мягко давал понять, что это – плохая идея. Мне бы влюбиться, но почему-то тоже не получалось. А в последние несколько лет я окончательно махнула на все рукой и приняла для себя как данность: принцессе Александре так и суждено остаться старой девой и, выйдя на пенсию, нянчить племянников. Ну или погибнуть раньше.

А потом вдруг возник этот мир и это соглашение, которое должны были скрепить два брака, а по факту – обмен заложниками. Соглашаясь, о своей несложившейся личной жизни я совершенно не думала. Вернее, нет: подумала и решила, что, значит, такова моя судьба и нечего себя жалеть.

Вот чего я точно не ожидала, так это... подобного поведения рушца. Я изгибалась в его руках, звала его по имени, цеплялась за его волосы и – таяла. Буквально растворялась в ощущениях, забывая обо всем и ничего не стесняясь. И когда он, прекратив «лечебные процедуры», обхватил меня, с готовностью подалась навстречу. И почему-то боли не было совсем; только нарастающий жар в теле, наслаждение и при-

стальный взгляд желтых глаз, проникающий, кажется, в самую душу.

– Ваше величество, вы меня пугаете, – пробормотала я, покосившись на императора. Я лежала на спине, а Руамар, лежа на боку, нависал надо мной, подпирая ладонью голову, и разглядывал меня с задумчивостью, легкой усмешкой и откровенно гастрономическим интересом. Вторая его ладонь по-хозяйски возлежала на моем бедре, а наши ноги переплетались лодыжками. Левая стопа у меня начинала неметь, но шевелиться совершенно не хотелось.

– Врешь, – отрезал он, тихо хмыкнув.

– Скорее, утрирую, – осторожно возразила я. – Вы очень странно на меня смотрите, и я опасаясь проснуться в какой-то момент без руки или ноги.

Он, сощурившись, перевел взгляд на мое лицо и пару секунд явно раздумывал, стоит ли отвечать мне или нет. Потом усмехнулся эдак вальяжно и проговорил:

– Да я в очередной раз убеждаюсь, что Мурмар полный обрубок. То есть на вашем языке скорее... идиот.

– Мурмар – это ваш младший брат, который отказался на мне жениться? – уточнила я.

– Да, – кивнул император и, не вдаваясь в подробности, в прямом смысле слова ушел от разговора. Вышел из спальни в гостиную, оттуда – судя по всему, в ванную, и некоторое время я слышала плеск воды. Потом послышался шорох, короткая возня, стук двери, и все стихло. Несколько секунд я

раздумывала, что это было и что же я такого сказала, что он ушел.

А потом проснулся мозг и напомнил, кто я, где нахожусь и с кем только что разговаривала. Это я временно могу себе позволить разлеживаться, а у императора, надо думать, на такие развлечения времени нет. Я еще помню, сколько отцу надо было приложить усилий, чтобы выкроить вечер для общения с детьми. Учитывая, что рушец вообще не собирался жениться, ему за все эти несанкционированные траты времени придется расплачиваться постфактум.

Вставать мне не хотелось – я уже и не помнила, когда последний раз доводилось вдоволь подремать и понежиться в постели, – да и особо не могло. После специфической оборотнической терапии мне, конечно, стало легче, но слабость и определенные неприятные, местами болезненные ощущения присутствовали в изобилии. Хотя и не в той убийственной концентрации, что утром. В общем, поскольку спешить мне было некуда, я решила подумать о смысле жизни в горизонтальном положении, на мягкой кровати.

В принципе, я видела три варианта собственного дальнейшего бытия. Во-первых, можно было шпионить и вести диверсионную деятельность, но это была не самая лучшая идея. От нее я отказалась еще дома, когда прикидывала перспективы. Вычислят, потом проблем не оберешься. Во-вторых, можно было заниматься обязанностями императрицы, но я совершенно не представляла, каковы они у рушцев;

я и про наши-то была не очень в курсе. Ну и, в-третьих, можно было заняться чем-нибудь полезным, в чем я хорошо разбиралась. А разбиралась я в инженерном деле, тактике, стратегии, в меньшей степени – в экономических вопросах и химии. Еще обладала определенными организаторскими способностями и знанием психологии: построить несколько сотен человек, восемьдесят процентов из которых – мужчины, и добиться железной дисциплины без этого никак. Теперь оставалось придумать, как все эти умения приложить на благо новой родины. Или хотя бы себя.

Хм. Пожалуй, для начала было бы неплохо обзавестись информацией об окружающем мире. И выслушать мнение императора на сей счет.

– Здравствуйте, ваше величество, – вырвал меня из задумчивости высокий женский голос.

Я резко села в кровати и поморщилась; от этого движения напомнили о себе мышцы и мелкие травмы в самых разных частях организма. На пороге стояла миниатюрная темно-волосая молоденькая девушка, нагруженная горой каких-то свертков. Она таращилась на меня большими удивленными глазами, как будто совсем не ожидала меня тут встретить.

– Здравствуйте, – кивнула я, разглядывая ее со своего места. – По какому вопросу?

– Ой! – Девица, смешно подпрыгнув на месте, очнулась и кинулась ко мне вместе со своим имуществом. – Извините, ваше величество, я ваша камеристка, меня зовут Уру

или как вам будет угодно. — Она изобразила быстрый книксен. — Я должна была прийти раньше, но не осмелилась, — за-
трещала она. — Здесь был повелитель, — почти шепотом доба-
вила, почему-то оглянувшись на дверь. — И я ждала, пока он
уйдет. Ждала-ждала, ждала-ждала, а потом задремала, — по-
каялась Уру, торопливо раскладывая на краю кровати свою
ношу. — Я пришла помочь вам с одеждой, ну и... вот, у меня
тут лекарства и амулет, только я в них не очень понимаю. —
Она смущенно протянула мне небольшую кожаную сумоч-
ку-аптечку и тяжелый серебряный браслет.

Я повертела флаконы с зельем в руках и не удержалась
от усмешки: и печать артефактора, и тиснения на пломбах
были хорошо знакомы и принадлежали лучшим человече-
ским мастерам.

— Сколько тебе лет, дитя? — со вздохом поинтересова-
лась я.

— Я уже взрослая, мне шестнадцать зим, — гордо сообщи-
ла она.

— И, надо думать, камеристкой ты не работала никогда?

— Нет, ваше величество, — она опять изобразила книксен. —
Но я все умею! И с одеждой могу помочь, и за завтраком
прислуживать, и, если надо, по поручениям каким-нибудь
сбегать; я шустрая, сообразительная и много всего знаю...
Ой, давайте помогу! Вам же, наверное, вставать тяжело!

— Откуда такие выводы? — растерянно уточнила я. Да-
же воспротивиться не успела, как девчонка нырнула мне

под бок, подпирая костлявым плечиком.

– Ну, после обряда обычно все не очень хорошо себя чувствуют, а повелитель – он же вообще... Мы даже боялись, что он вас вообще убьет!

– Мы – это кто? Да не надо меня подпирать, я нормально себя чувствую, – опомнилась я, отодвигая Уру.

– Ну мы с девочками, кто здесь работает. – Она покорно отстранилась, на пару секунд зависла, опять пристально меня разглядывая, потом встрепенулась и занялась своими кульками. – А вы очень-очень хорошо выглядите и даже на ногах стоите, и все царапинки уже почти зажили! А люди все так быстро восстанавливаются? У нас такие слухи про вас ходят! – доверительно поделилась она, сделав страшные глаза.

– Мне кажется, за мое здоровье следует поблагодарить его величество. Я, честно говоря, раньше не слышала, что ваша слюна способна заживлять раны, – хмыкнула я. На этом месте моя помощница выронила пакет и вытаращилась на меня в ужасе. – Что-то не так?

– То есть это Владыка? *Сам*?! – страшным шепотом уточнила она.

– Кхм. Ну не думаешь же ты, что я его заставила? – хмыкнула я. Но по глазам поняла, что это небесное создание может поверить в любой бред, и поспешила уточнить: – Шучу! Сам. А что, такого не бывает?

– Нет, ну почему, бывает, – осторожно кивнула она. – Про-

сто то, что Владыка... сам!

– Уру, что в этом необычного? – строго поинтересовалась я, изучающе глядя на девушку.

– А! Просто это очень сложно, утомляет, редко к этому прибегают, – пояснила она, снова встряхнувшись. – Ну правда, редко. Мама там котенка может полечить, если коленку расшибет, обычно по мелочи. А он что, вас прямо... совсем всю лечил? – не удержалась от вопроса она, подходя ко мне с каким-то ворохом тряпок и глядя большими-пребольшими глазами, на этот раз полными восторга.

– Прямо всю, – не стала спорить я. – Что это?

– Одежда. И это он после брачного обряда?! Вас вылечил и на своих ногах ушел?! Все-таки Владыка удивительно сильный, не зря слухи ходят, что к его матушке сам Первопредок приходил, – поделилась сплетнями девушка и покачала головой.

Я забрала из ее рук платье лазурного цвета, развернула, разглядела...

– Уру, ты, конечно, извини, но я это не надену, – поморщилась я.

– Почему? Оно такое красивое, специально для вас сшито!

– Где мои вещи? Те, которые я с собой привезла, – не вступая в полемику, уточнила я.

– В гардеробной. Что вам принести?

– Пойдем, покажешь, где тут гардеробная. А что, после

обряда обычно всем так плохо?

– Ну да. «Кровь Первопредка» – это не ключевая вода: чем зверь сильнее – тем тяжелее она потом выходит, – пояснила она. – Обычно мужчинам хуже.

Все, я поняла, мне уже стыдно. Я неблагодарная лентяйка, а его величество – воплощение благородства в подлунном мире. Пойду оказывать моральную поддержку и налаживать контакты. Я про семейную жизнь знала мало, но из детства помнила: мама утверждала, что долг хорошей жены – заботиться о здоровье мужа. Даже если он против. Муж обо мне позаботился, теперь я пойду.

Правда, для начала я быстренько ополоснулась под душем и оделась. По жаре ограничилась штанами, сапогами и рубашкой. Не знаю уж, насколько это прилично выглядит в глазах оборотней, но, на мой взгляд, гораздо приличнее этих летучих тряпок.

– Уру, у меня к тебе вопрос, – обратилась я к камеристке, прилаживая на боку ножны. – Где сейчас может быть император?

– Владыка? – переспросила она, с недоумением наблюдая за моими действиями. – Не знаю, может быть, у себя в кабинете? Ваше величество, а почему вы так странно одеваетесь? Это такая человеческая мода? У вас такие красивые ноги! Только так не очень прилично ходить. Хотя вам, наверное, можно...

– Показывай, куда идти в кабинет Владыки, – прервала я

поток слов. – Далеко туда?

– Нет, тут рядом, вот здесь налево, только... Ваше величество, а можно помедленнее? – жалобно попросила она.

Я с тоской на нее покосилась, но скорость сбавила. Учтивая, что девочка едва доставала мне до подмышки, а шаг у меня в принципе широкий, ей приходилось почти бежать, чтобы не отставать. Пришлось в обмен на снисхождение требовать с нее краткую экскурсию с описанием попутного пейзажа и встречаемых персонажей. Пейзаж радовал глаз сдержанным великолепием, персонажи выказывали любопытство, удивление на грани потрясения и откровенное отвращение. Последних я с особенным вниманием брала на заметку.

Почти все встреченные кланялись. В общем, я бы удивилась, если бы меня кто-то не узнал: не те параметры. Рост метр девяносто два, военная выправка и армейский наряд – мягко говоря, выдающаяся внешность.

Императорский кабинет действительно оказался не так чтобы далеко.

– Ваше величество, только можно я вас тут подожду? – смущенно попросила меня камеристка.

– Тут – это в коридоре? – озадаченно обернулась я, уже успев положить ладонь на кованую дверную ручку.

– Угу. Просто Владыка... он очень не любит, когда его отвлекают от работы. Вас-то не тронет, а я очень не хочу попасть под горячую руку, – честно призналась она.

– Ладно, что тебе посреди коридора торчать, можешь идти, обратную дорогу я найду. Где мне в случае необходимости тебя найти?

– Ой, это просто! Следом за вашими покаями первая дверка, маленькая такая, неприметная; это специальная комната для императорской камеристки. С другой стороны должен обитать камердинер его величества, но Владыка не пользуется его услугами, – сообщила Уру.

– Хорошо, учту. – Я кивнула и без стука вошла в приемную.

– Его величество занят, – подскочил со своего места секретарь, бросаясь мне наперерез. Это был довольно молодой оборотень невысокого роста, то есть значительно ниже меня. И смотрел он на меня, как это часто бывает с помощниками и секретарями больших начальников, с видом оскорбленного достоинства и превосходством.

Я смирила секретаря взглядом, прикидывая варианты своих дальнейших действий.

С одной стороны, конечно, я не люблю навязываться и лезть напролом. Ну действительно, император – должность хлопотная, ему может быть совершенно не до меня (и пожалуй, именно так все и обстоит). И я бы скорее всего развернулась и ушла, если бы не одно обстоятельство.

Вид секретаря, его поведение и его реакция. Если я сейчас уйду, я признаю право этого типа мне хамить, а за ним – и всех желающих, кому станет известно об этой сцене. А он

ведь и впрямь хамил: не поздоровался, не извинился, чуть ли не за руки хватать начал.

Проигрывать первый и самый важный бой – не лучшее начало кампании.

– Шаг в сторону, – тихо процедила я, окинув парня взглядом «что за говорящее дерьмо?».

Он несколько сдуся, стушевался, задергался, но – не ушел.

– Ваше величество, Владыка действительно очень занят, не велели никого пускать, – заблеял он.

С этого надо было начинать, а сейчас было уже поздно.

– Шаг в сторону, – уже с угрозой, но все так же тихо повторила я. И тон, и взгляды были давно отработаны и действовали безотказно. Даже на тех, кто лично не был со мной знаком. – Или мне тебя отодвинуть? – ласково уточнила я, поглаживая рукоять клинка.

– Ваше величество, Владыка меня убьет, – проблеял оборотень, по стенке отступая к столу.

Если бы у меня был повод не доверять императору, я бы решила, что у него там по меньшей мере любовница, и хорошо если одна.

– Возможно. А я – с гарантией и прямо сейчас, – усмехнулась я.

Все-таки эта их физиология и чутье – удобная штука. Никакого упрямства, никакого недоверия. Он ведь чувствует, что я не постесняюсь пустить оружие в ход, и боится уже заранее.

Взгляды, мимика, жесты и уверенность в себе – и реакция совершенно однозначная. Даже проще, чем с людьми; наши еще могут упереться рогом и стоять на своем до последнего, не веря в серьезность намерений оппонента. А так... годы армейской практики, видимо, окажутся лучшим подспорьем из всего, что поможет в выживании среди мохнатых.

Секретарь освободил дверной проем, с тоской глядя на меня. Я же вежливо постучала и, дождавшись разрешения войти, шагнула внутрь.

Император Руамар Шаар-ан

Меня разбудил сладковато-гнилостный, гадкий запах боли. Не острой и терпкой, как от свежей раны, а той самой навязчивой, выматывающей, тошнотворной, когда рана воспаляется и начинается гангрена.

Мое собственное состояние этому запаху полностью отвечало. Мышцы ломило, во рту было сухо, как в Желтых горах, да еще совершенно пустая по ощущениям голова немилосердно трещала. По совокупности симптомов походило на тяжелое похмелье. Теперь я точно понимал основную причину, по которой наши браки заключаются один раз и на всю жизнь: повторно проходить через такое добровольно – дураков нет. Состояние отягчалось еще и тем, что я весьма смутно помнил, что происходило после собственно обряда. Какими-то урывками улицы, коридоры, залы замка, отдельные лица, а потом – бездонный черный провал, из ко-

торого по ощущениям тянуло затхлостью и запекшейся кровью, как из старой темницы или пыточной.

С трудом продрав глаза, я сумел приподняться и оглядеться. Посторонних не обнаружилось, в покоях было тихо и пусто, и я позволил себе осмотреть ближайший периметр, а именно – лежащую подле меня женщину, служившую источником того самого отвратительного запаха.

В голове при виде ее не прояснилось, но общее представление о событиях ночи составить было можно. По расположению синяков, ссадин и укусов. В целом зрелище было малоприятное, но ничего ужасного я не увидел. Ни одной глубокой раны, ни одной серьезной гематомы: только царапины и явные следы отпечатков пальцев. Просто их было очень много, да и в остальном женщина явно чувствовала себя не лучше, чем я, а то и хуже. Я принялся сильнее, раскладывая запах на составляющие, и понял: этот мерзкий оттенок множества начинающих воспаляться царапин раздражает меня невероятно.

– Ваше величество, что вы делаете? – раздался неуверенно-хриплый голос, когда я после короткого раздумья решил все-таки сделать доброе дело. И ей и себе; уж очень раздражала меня примесь гнили в собственном весьма приятном запахе моей супруги.

– Лежи и не дергайся, женщина. Я тебя лечу, – проворчал я, настраиваясь на долгий и трудный процесс. Зверь отзывался неохотно; он, похоже, тоже чувствовал себя отвра-

тительно.

– Может, проще позвать доктора и достать аптечку? – предложила она, явно не понимая смысла моих действий.

– Не проще, – отмахнулся я. И она повела себя правильно: смирилась и расслабилась, облегчая мне работу. Умная девочка.

Лечение явно шло впрок. И, к слову, давалось мне гораздо легче, чем можно было ожидать; видимо, человеческий организм на это воздействие реагировал более чутко. Впрочем, это было не так уж удивительно, они к любой магии гораздо восприимчивее. Очень низкое внутреннее сопротивление, и иногда это даже неплохо.

Сосредоточенный на сложном выматывающем процессе, я не обращал внимания ни на изменение поведения женщины, ни на изменение ее запаха. Заметил реакцию Александры только тогда, когда она вцепилась мне в волосы. И то сначала отвлекся, лишь чтобы на нее рыкнуть, призывая к порядку.

Отвлекишись же, сначала опешил, а потом мысленно обозвал себя идиотом. Потому что, во-первых, не подумал о подобной подоплеке моих действий, во-вторых, не заметил их последствий и, в-третьих, здорово ошибся в оценке этой женщины, посчитав ее холодной.

Останавливаться на достигнутом я не стал и продолжил свои действия. Хотя сосредоточиться на достижении лечебного эффекта уже не получалось; я слишком увлекся про-

цессом, упиваясь запахом ее желаний и с удовольствием наблюдая за ее реакцией. Оказалось, ее величество – весьма чувственная женщина, а сознательно соблазнять собственную жену – очень увлекательное занятие.

Не знаю уж и вряд ли смогу вспомнить, что происходило ночью, но утро в общей постели началось к обоюдному удовольствию.

Вставать не хотелось совершенно. Более того, возникли определенные чисто технические трудности. Если болевые и тошнотворные ощущения куда-то рассосались, то обыкновенная слабость навалилась с утроенной силой. Казалось невозможным пошевелить рукой или ногой, да и мысли в голове путались. Хотелось лечь и... нет, не сдохнуть, но уснуть на пару суток. Но такой возможности у меня не было. Меня ждал бюджет, несколько жизненно важных строительных проектов и Мурмар. Мне почему-то совершенно не верилось, что он сегодня чем-нибудь меня порадует.

И точно. Что брат, что казначей оказались не готовы к вызову в мой кабинет, оба одинаково испуганно смотрели на меня, и оба виновато блеяли что-то невнятное. Похоже, они рассчитывали, что после обряда я день или два пролежу пластом, не в силах выбраться из супружеской постели.

Стало быть, я правильно сделал, переступив через себя, хотя и держался сейчас на одном упрямстве. От слабости покачивало, мысли разбредались и то и дело натывались на све-

жие воспоминания. Запах женщины, оставшейся в спальне, пришел сюда вместе со мной, отвлекал и вкупе с воображением рисовал картины, совершенно не способствующие работе. Единственное, что радовало, это возможность позволить себе развалиться в удобном кресле и сверлить собеседников взглядом через стол.

– Мурмар, у тебя было несколько суток, а ты даже не открыл бумаг.

– Неправда, я открыл, – смущенно пробормотал брат, опуская взгляд. Как мне уже доложили, он все это время вел себя именно так, как того требовали инстинкты после обряда – почти не покидал собственную спальню. И я на него, честно говоря, даже всерьез не злился, а ругался больше для порядка, в воспитательных целях. У иных в хвосте мозга больше, чем у моего брата в голове, и это объективная реальность, менять его уже поздно. Так даже лучше; пусть над наследником работает. Там у него пока еще есть шанс хорошо справиться с задачей.

– И закрыл. Сегодня, – кивнул я. – Аиур, я тебе что говорил сделать с этим? – перевел я взгляд на казначея, потряхнув в воздухе тонкой папкой с бюджетом.

– Сходить в нужник, ваше величество, – пробормотал чуть живой от страха пожилой двуликий.

– Нет, Аиур. Я говорил, чтобы ты засунул это себе в задницу и больше не смел мне показывать. – Я в раздражении швырнул папку в чиновника.

– Но вы же предупреждали, что его высочество...

– Я говорил, что его высочеству ты предоставишь *новую* версию со всеми правками. Неужели ты надеялся, что после резолюции Мурмара я подпишу все не читая? – сощурился я.

– Нет, что вы! Просто не было времени со всей этой подготовкой, торжествами, праздником... – заюлил он. Хотя было видно: именно на это и надеялся, что после обряда мне будет не до того.

Похоже, опять пора менять казначея. Вот кто бы мне подсказал, что хуже: наивный дурак вроде Аиура, довольно посредственный как работник, но и не способный скроить сложную махинацию для воровства, или умный профессионал, но которого непросто поймать за руку?

– Последний шанс, Аиур, – мрачно проговорил я. – Если... Да! – рявкнул я на стук в дверь.

– Ваше величество, – в образовавшуюся щель просунулась голова секретаря, – прибыл господин Танмур.

– Приглашай. Да, и вызови ко мне генерала Анвар-вера. Танмур, проект готов? – воззрился я на появившегося на пороге щуплого немолодого оборотня.

– Да, ваше величество, – он согнулся в поклоне. – Все, как вы и распорядились.

– Тогда пройди и присядь, сейчас я закончу и посмотрим, что ты там наваял, – несколько смягчился я. Хоть кто-то в этом бедламе знает свое дело.

Правда, закончить мы не успели: Анамар Анвар-вер явил-

ся так быстро, будто караулил у кабинета. Но я всегда ценил его за пунктуальность.

– Ты смотри-ка, и правда сидит, рычит на подданных, – поздоровался главнокомандующий, входя в кабинет и насмешливо меня разглядывая. – Все после обряда по стеночке до туалета ползают, а этот всю ночь кувыркался – и с первыми лучами солнца на рабочем месте.

Я смерил друга тяжелым взглядом. Ему я всегда позволял несколько больше, чем прочему окружению, но сегодня он вел себя удивительно развязно. Уловив мое раздражение, Анамар опомнился, сообразил, что мы не одни, и склонил голову:

– Прошу прощения, я забылся.

– Садись. – Я кивнул на кресло. Забывался генерал обычно в моменты зашкаливающего благодушия, чрезмерного раздражения или глубокой задумчивости. Интересно, в чем причина на этот раз? – Аиур, ты меня понял?

– К утру все будет пересчитано, иначе вы вырвете мне горло, – поднялся и поклонился казначей.

– Суть уловил, молодец. Проваливай. Мурмар, ты тоже свободен. Да! – рыкнул я на очередной стук в дверь. Кого там пьяная блоха привезла, вроде бы все нужные уже здесь?!

– Ваше величество, – вежливым кивком поприветствовала меня явившаяся на пороге Александра. Спокойная, уверенная, прямая, как клинок в ее ножнах, и такая же невозмутимая. – Господа, – еще один сдержанный кивок сразу всем.

Наблюдая, как полностью деморализованные и шокированные таким визитом подданные в панике вскакивают с мест, судорожно вспоминая протокол, я даже простил этой женщине несанкционированное вторжение в мой кабинет. Если от меня они ожидали чего угодно и тот факт, что я наутро после обряда встал на свои собственные ноги, их удивил, но вполне вписался в привычные рамки, то ожидать подобного от человеческой женщины не мог никто.

– Ваше величество, – с неохотой выбравшись из кресла, кивнул я в ответ. Преследовавший меня все утро запах окутал коконом. Принюхиваться к едва уловимым нотам я перестал, но призывать мысли к порядку стало еще сложнее. – Чем обязан вашему визиту?

– Мне бы хотелось потратить несколько минут вашего времени, если это возможно, – невозмутимо ответила Александра. Лицо ее оставалось серьезным, но я почувствовал, что ее забавляют эти расшаркивания.

– Боюсь, придется подождать. Впрочем, если вам будет угодно, можете подождать здесь. – Я жестом указал на кресло. – Его высочество и господин казначей уже уходят.

– Его высочество Мурмар, я полагаю? Мой несостоявшийся жених? – с едва уловимой насмешкой уточнила она.

– Ваше величество, – полыхая смущением и растерянностью, поклонился брат, с заметным трудом отводя взгляд от стройных длинных ног императрицы, обтянутых узкими штанами.

Нет, все-таки, если отвлечься от стереотипов, у нее ведь великолепная фигура. Даже странно, как до сих пор никто не разглядел. Хотя откуда я это взял, собственно? Может, разглядел, только заинтересовать не сумел. Или не рискнул. Глядя на нее сейчас, я и сам не мог поверить, что не больше часа назад эта женщина, разметавшись на шелке простыней, испуганно шептала мое имя.

Я сначала почувствовал озадаченно-растерянный взгляд Анамара и только потом сообразил, что уже секунд десять в полной тишине буквально пожираю взглядом озадаченную таким вниманием женщину. А остальные присутствующие боятся пошевелиться или хотя бы оторвать взгляд от пола, стараясь дышать неглубоко.

– Присаживайтесь, ваше величество, – досадливо поморщившись, кивнул я и подал пример, вернувшись в кресло. Мурмар вместе с казначеем поспешно выскочили из кабинета, а я подозвал к столу Танмура с Анамаром.

В какой момент к нашему обсуждению присоединилась Александра, я, как и мои собеседники, не заметил. Поэтому мы все трое едва не подпрыгнули на местах, когда почти у меня над ухом прозвучало ее тихое:

– Подобная конструкция здесь не подойдет, Танмур прав, – и тонкий палец с коротко подстриженным ногтем ткнулся в опору моста. – Если вы делаете такой вывод только на основе интуиции, то ваша интуиция гениальна, – она склонила голову, обращаясь к инженеру.

Мы с Анамаром озадаченно переглянулись и обернулись к ней.

Все стояли вокруг стола, сгрудившись и нависая над кипой чертежей: я со своей стороны, генерал с торца, а Танмур – напротив меня. Александра, места для которой не нашлось (я опирался на широко расставленные ладони, Анамар – вообще на локти), притулилась ко мне сбоку, для удобства облокотившись о мое плечо. Вот, спрашивается, как я умудрился этого не заметить? То ли последствия проклятого зелья, то ли я уже настолько привык к ее запаху, что обращаю на него внимание только тогда, когда не чувствую.

– Извините, я увлеклась, – опомнилась она, отпрянув от меня. Правда, далеко отойти не успела: я перехватил ее поперек талии и прижал к своему боку. Уткнулся носом в волосы над ухом, принюхался... Хм, нет, запах чувствую и совсем даже не притерпелся. Напоминал он нагретую солнцем хвою, северный цветок ландыш и... миндаль, что ли? Нет, не миндаль, более горький запах. Приятный. Теплый.

Я блаженно зажмурился и даже заурчал бы, наверное, если бы меня не вернули с небес на землю.

– Ваше величество? – осторожно позвала меня Александра. Я раздраженно поморщился (причем и сам не мог определить, что мне не понравилось: собственное выпадение из реальности или возвращение в нее) и высвободил нос из коротких рыжих прядей. – С вами все в порядке? – уточнила она, напряженно меня разглядывая.

Я опять поморщился, покосился на старательно отводящих взгляды подданных и ворчливо ответил:

– Все нормально. Что там с мостом? – уточнил, разворачивая ее к столу. Правда, далеко не отпустил и продолжил обнимать левой рукой, прижимая к своему боку.

– Да. С мостом. В общем, Танмур прав, с такими опорами его пару раз хорошенько тряхнет и в первое же солидное половодье смоем.

– Да не бывает там таких половодий, – возмутился Анамар.

– Это же Вредная Су... то есть, прошу прощения, Верхняя Щучка! – поправилась она, смущенно кашлянув. – Ей наши бойцы не за красивые глаза созвучное прозвище придумали.

– Конечно, мы теперь будем строить мост, опираясь на народные слухи беззубых, – процедил Анамар. – Я в этих горах пять лет подыхал, я их...

– Странно, что не подох, – насмешливо оборвала его Александра. – Подыхать можно в темнице, но ты же не будешь утверждать, что хорошо изучил замок? Я там полтора года прожила и знаю их несколько лучше, чем большинство ныне живущих.

– Небось в санатории проживала? – язвительно уточнил Анамар.

– Ты хорошо подумал, прежде чем спросить? – уточнила Александра. Без раздражения и обиды, довольно весело; она явно с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

И это хорошо, потому что Мар откровенно нарывался, но так у него был шанс уйти отсюда с целой физиономией и конечностями. Язвительные замечания в адрес императрицы отчего-то меня ужасно раздражали.

– Простите, *ваше величество*, – процедил он, шутовски раскланявшись.

Александра в ответ криво ухмыльнулась; я бы на месте главнокомандующего насторожился, но тот ничего не заметил. Ему свойственно недооценивать окружающих, особенно при личном общении. Как это качество сочетается в нем с великолепным стратегическим талантом, граничащим с гением, я за годы нашего знакомства так и не понял.

И все-таки он откровенно нарывался. Взять его за шкуру и оттащить в угол, расспросить? Вдруг что-то серьезное случилось...

– Какое я *величество*, тебе расскажет генерал Иркаран из Страны вечной охоты, – насмешливо заметила женщина.

– При чем тут он?

– Ну он тоже был уверен, что за несколько дней армию с тяжелыми орудиями по суше через Чуйкин перевал и верховья Нижней Щучки перекинуть невозможно.

– А при чем тут *вы*? – ехидно уточнил Анамар.

И я окончательно понял, что крови сейчас не будет: я знал, чем закончится этот диалог. Александра сама разберется с этим упрямым, и лучше, чем это могло бы сейчас получиться у меня.

Говорил я этому идиоту: интересуйся разведданными подробнее! И геральдикой. И вообще окружающим миром.

– А вы искренне убеждены, что там командовал Чизар? – в притворном восхищении вскинула она брови. – Нет, он, конечно, гений. Был. Лет тридцать назад. Но во время Чуйского перехода он уже путал сейсмограф с сантиметром.

– Чуйской операцией командовал Алекс Талич, – поморщился Анамар.

– Кхм. Ваша разведка настолько плохо работает или это вы лично идиот? – удивленно (на этот раз действительно удивленно) уточнила императрица.

Мар в ответ недовольно оскалился, а я, чуть отстранившись, подвинул жену под свою правую руку, оказываясь между спорщиками, и ответил вместо главнокомандующего:

– Это лично он идиот. Талич, мой обрубленный друг, это девичья фамилия покойной императрицы Ораны, жены Димира. А Александра Талич – имя ее дочери.

Нет, все-таки удачно эта женщина зашла в мой кабинет. настолько шокированным и растерянным я Мара не видел ни разу за тридцать лет нашей с ним дружбы.

– *Вы?* – потерянно выдохнул он. – Клянусь когтями Первопредка, *женщина*?! Вот это новости. Позвольте пожать вашу руку, ваше величество, я в восхищении!

Он действительно протянул руку, а Александра с усмешкой собралась протянуть свою в ответ. Тихий угрожающий рык родился сам собой прежде, чем я успел перевести взгляд

с чертежей на Анамара. Мар среагировал очень правильно, а главное, быстро: шарахнулся назад, заводя обе руки за спину.

– Прости, Рур! Я совсем не то имел в виду, растерялся и не сообразил...

Я смерил его в ответ задумчивым взглядом, медленно кивнул и ладонью прижал к столу повисшую в воздухе руку совершенно шокированной произошедшей сценой Александры.

– Продолжим, если сомнений в компетентности ее величества больше нет, – невозмутимо кивнул я. – Что там с мостом, чем плохи эти опоры и какой вариант лучше?

Они вернулись к конструктивному диалогу очень быстро. Первым переключился Танмур, потом очнулась Александра, а потом и Мар присоединился к общей беседе.

Когти Первопредка, вот именно поэтому я столько времени не женился и в сорок оставался холостяком! Первое время после обряда даже самые рассудительные оборотни ведут себя как полные обрубки, теперь и меня постигла та же участь. Хорошо, когда ты можешь выкинуть месяц-другой из собственной жизни и никто от этого не умрет и ничего в окружающем мире не изменится. А вот когда инстинкты не дают спокойно работать, это нервирует.

Впрочем, как оказалось, если женщина под рукой, отделена от потенциальных конкурентов и сосредоточена на чем-то важном, можно терпеть. А то, что порой я сам, увлекшись

запахом, выпадал из обсуждения и приходил в себя только тогда, когда меня окликали, было тем самым неизбежным малым злом.

Ее императорское величество Александра

Этот инженер Танмур оказался весьма толковым специалистом, и общий язык мы нашли очень быстро. К моему удовольствию, император не стал возражать против моего участия в обсуждении, на тему «неженского дела» даже не заикнулся, и это обнадеживало.

А вот что настораживало, так это поведение оборотня. Может, он до сих пор находился под действием той наркотической дряни, которую они считают «афродизиак»? Он то и дело утыкался носом мне в шею и замирал в непонятном трансе, а еще постоянно норовил прижать покрепче, весьма откровенно при этом обнимая. В некоторые моменты у меня вообще складывалось впечатление, что он готов разложить меня прямо поверх чертежей и продолжить начатое утром, совершенно не смущаясь свидетелей.

Поведение этих самых свидетелей тоже озадачивало. Они не просто делали вид, что ничего не замечают, они действительно не обращали на странности своего императора никакого внимания, отводя взгляды машинально. Он у них всегда такой? Странно, почему и намек на этот счет не было в его досье?

Я ничего не имела против его прикосновений как тако-

вых – как показало утро, они могут быть более чем приятными, – но только в спальне! Ну или хотя бы не при посторонних. А то у нас про личную жизнь и темперамент кошаков тоже ходили разнообразные легенды, и эксгибиционизм был еще не самым худшим вариантом. Хотя ревнивое порывание в ответ даже на неосторожные взгляды в мою сторону вселяло определенный оптимизм: меня, по крайней мере, явно не планировали делить с друзьями, а у нас такие слухи были весьма популярны.

В конце концов я не выдержала подобных проявлений чувств и предпочла совершить тактическое отступление, плюнув на изначальную цель визита. Мне было жизненно необходимо получить некоторую информацию о нравах и обычаях оборотней и понять, как следует вести себя с собственным мужем и как реагировать на его поведение. Интуиция подсказывала, что стоит «расслабиться и получать удовольствие», но разум был категорически против. Не могла я расслабиться, когда мужчина совершенно недвусмысленно прижимал мои бедра к своим, и все это – в присутствии посторонних. Вот когда самое время вспомнить всяческие видовые предрассудки, клеймящие двуликих животными!

Одно утешало: надежным источником подобной информации у меня была Уру. Может, ее за тем ко мне и приставили? Кстати, надо бы выяснить, кому в голову пришла эта светлая мысль, и сказать тому «большое спасибо».

Но жизнь, как это часто бывает, решила внести в мои пла-

ны свои коррективы, вломившись в них буквально на выходе из императорского кабинета. Посреди приемной на меня с рыком кинулась какая-то женщина; частичная трансформация мешала определить ее точный возраст, но рост и фигура говорили сами за себя. В рукопашном бою с обученным профессионалом у меня бы не осталось никаких шансов (все-таки кошки в ближнем бою лучшие из лучших), но это был не боец, и более того, это была женщина, а половой диморфизм у оборотней был выражен значительно сильнее, чем у иных разумных видов. В итоге я скрутила ее, несмотря на трансформацию, очень быстро и за неимением лучшего стянула руки за спиной ее же собственными косами. Благо те спускались значительно ниже талии.

Рычать в болевом захвате у нее уже не получалось, и скандальная особа перешла на тихое жалобное поскуливание, а я подняла вопросительный взгляд на секретаря.

– Что это такое? – озадаченно уточнила у бледного парня, вжавшегося спиной в стену и глядящего на нас вытаращенными в ужас глазами.

– Инсара Ордар-вер, – заикаясь, выдавил секретарь. – Она только вошла...

– И что ей было надо? – продолжила я расспросы. Парень только вздрогнул всем телом и затряс головой.

Хм. Что-то не то сделала я, эта драная кошка или секретаря просто бешеная блоха укусила?

Рассудив, что от мужчины я ответа не добьюсь, я легонько

встряхнула девицу, в ответ на что та судорожно всхлипнула.

– Ты обозналась, больная, припадочная или у вас так принято гостей встречать?

– Ты... уродина беззубая! Он должен быть моим, он...

– Диагноз ясен, – вздохнула я, еще раз встряхнув ворох алых тряпок, на этот раз – чтобы заткнуть. – Вот только ревнивых любовниц мне и недоставало для полного счастья! – процедила себе под нос, прикидывая, что делать дальше. Решение нашлось спонтанно. В конце концов, чья это любовница? Вот пусть сам и разбирается! – Эй, мальчик, как тебя там, – окликнула я трясущегося секретаря. – Будь добр, дверь открой, а то у меня руки заняты, – попросила, кивнув на поскуливающую девицу. – Только постучать не забудь.

Почему-то от этой просьбы парень затрясся еще сильнее, но спорить не стал, а девица попыталась молча вывернуться из захвата. Секретарь по стеночке добрал до двери, постучал и, дождавшись раздраженного рыка, распахнул перед нами створку.

– Прошу меня простить, ваше величество, – игнорируя ошалелые взгляды присутствующих, проговорила я. – Но здесь некая особа желала вашего внимания. – Я подтолкнула двуликую вперед, заодно выпуская из захвата. Толкнула аккуратно, но ноги ее, кажется, не держали; иначе из-за чего бы ей падать на колени лицом в ковер?

– Что это? – первым опомнился император, хотя по-прежнему выглядел растерянным.

– Понятия не имею, – честно ответила я, разведя руками. – Я вышла, а она на пороге кинулась на меня с когтями. Кажется, она считает себя вашей оскорбленной невестой.

– Она сделала *что*? – Нехорошо сощурившись, Руамар перевел взгляд на секретаря.

Остальные присутствующие ощутимо спали с лица, а бедный парнишка вообще пошел зелеными пятнами и поспешно рухнул на колени.

– Простите, ваше величество, я не ожидал, я просто не успел!

– Встать, – процедил император, буравя взглядом девушку в красном. Та еще сильнее сжалась, жалобно что-то бормоча себе под нос. – Если мне придется нагнуться, будет хуже, – почти спокойно проговорил Руамар, но было в этом спокойствии что-то такое... Честное слово, лучше бы рычал!

Кажется, последнее мое умозаключение было справедливым; иначе с чего бы присутствующие мужчины инстинктивно подались назад? Причем даже коленопреклоненный секретарь шарахнулся!

А та, кого мне представили как Инсару Ордар-вер, поднялась на дрожащих ногах, обхватив себя руками и втянув голову в плечи, боясь оторвать взгляд от пола. Дождавшись окончания этого движения, Руамар сгреб ее ладонью за горло и, чуть приподняв испуганно цепляющуюся за его руку женщину, веско проговорил ей в лицо:

– Нападение на членов императорской семьи карается

смертью. Непротивление нападению на членов императорской семьи карается смертью.

– Владыка, простите! Я не хотела... я не знала... я была... – заскулила она, а я озадаченно хмыкнула себе под нос.

Однако суровые у них порядки! Попыталась выдрать волосы сопернице – пожалуй на плаху. Зато теперь хотя бы понятно, из-за чего секретаря так трясло: бедолага же не успел вмешаться. Непонятно только, чем эта дура вообще думала, что при таких законах попыталась в меня вцепиться? Да еще в императорской приемной, при свидетелях!

– Не знала, на кого набросилась? – язвительно процедил император, выпустив когти в явном намерении вспороть ей горло прямо здесь.

Лезть под руку было глупо. Честно говоря, мне ее даже жалко не было; сама виновата, дура... совсем дура! При таких умственных способностях она до таких лет дожить не могла. Почему-то именно последняя мысль заставила меня принять окончательное решение.

– Ваше величество, – подала я голос. Оборотень перевел на меня тяжелый злой взгляд, всем видом выражая недовольство моим вмешательством. – Может быть, не стоит пачкать ковер и руки? – осторожно предложила, понимая, что банальная реплика «не трогайте ее» будет воспринята в штыки. Мужчины очень не любят, когда им активно мешают совершать глупости. – И, может быть, стоит прибегнуть к услугам соответствующего специалиста и соответствующей слу-

чаю процедуре?

Пару мгновений Руамар продолжал сверлить меня взглядом, после чего медленно кивнул и перевел взгляд на генерала Анвар-вера.

С этим типом мы, кстати, заочно были знакомы. Он был великолепным стратегом и вообще достойным уважения профессионалом, и тем неожиданней для меня стала некоторая его закоснелость и недостаточность знаний, касающихся лежащих за пределами его компетенции вопросов. Кроме того, он явно относился к разряду тех разумных, для кого в жизни существовало два мнения: свое и неправильное. Все остальные выслушивались с огромным недоверием и воспринимались в штыки, а все неинтересные индивидуально отрасли знаний записывались в ненужные и бесполезные.

Эта непримиримость легко читалась в его внешности: нахваленные брови, острый упрямый подбородок, резкие черты лица. Глаза у него были совсем человеческие, серые, а волосы – темные и коротко остриженные. Рослый, плечистый, с глубоким резким голосом, в котором чувствовалась привычка приказывать, генерал производил давящее впечатление. Впрочем, рядом со своим императором он заметно проигрывал в этом отношении.

– Анамар, убери это в камеру. Вур, – еще не поднявшийся с пола секретарь при звуке своего имени дернулся всем телом, – иди на свое место, хватит вытирать пыль. Если кто-то

появится – меня нет. Танмур, у тебя вопросов больше нет?

– Нет, ваше величество, – глубоко поклонился инженер.

– Тогда все свободны. А вы, ваше величество, задержитесь. – Пристальный взгляд звериных глаз опять вцепился в меня, а я даже не думала спорить. С этим типом вообще стоило тщательно подбирать слова и выстраивать линию поведения, оценивая все риски. Будь я помоложе и обладай меньшим опытом общения со всякими тяжелыми личностями, наладить с ним контакт было бы затруднительно.

Дождавшись, пока все выйдут, все еще подрагивающий и очень бледный секретарь аккуратно закрыл дверь с той стороны.

– Зачем ты меня остановила? – В два шага преодолев разделявшее расстояние, оборотень мрачно навис надо мной. Весьма странное ощущение, если привыкла смотреть на всех окружающих сверху вниз.

– Честно говоря, ее поступок вызывает массу подозрений. Это довольно странно – нападать на меня посреди императорской приемной при свидетелях, – честно поделилась я собственными сомнениями. – Не может же она быть настолько глупой! Что-то не так? – уточнила я, потому что Руамар смотрел на меня с легким прищуром и непонятной усмешкой на губах.

– Наоборот, – он едва заметно качнул головой. – Мурмар – полный обрубок, а я, оказывается, от этого здорово выиграл.

– Ваше величество? – Я в недоумении вопросительно

вскинула брови.

– Ты права, – пояснил он. – Это действительно очень похоже на подставу. Инсара – дура, но она дочь весьма влиятельного рода, который меня поддерживает. Если бы ты не вмешалась, я бы убил ее на месте, не разбираясь; на нынешнем жизненном этапе мне чудовищно трудно логически мыслить, – проворчал он. – Я был бы в своем праве, но осадок бы непременно остался: Изур не простил бы мне смерти дочери.

– Кхм, ваше величество, что вы делаете? – не слишком умно уточнила я, потому что фразу он выдыхал уже мне в волосы, обеими руками приобнимая за талию.

– То, на что имею полное право, – сказал оборотень, рывком разворачивая меня спиной к себе. Одна ладонь, проворно расстегнув пару пуговиц на рубашке, сжала мою грудь, а вторая занялась брючным ремнем. В бедра спереди уперся край столешницы, а сзади ко мне прижимался император.

– Прямо здесь? – неуверенно переспросила я.

– И прямо сейчас, – насмешливо хмыкнул над ухом Руамар.

– Ваше величество, а если кто-то войдет? – инстинктивно цепляясь руками за его запястья и все еще пытаюсь протестовать, пробормотала я. Хотя в данный конкретный момент безнадежность сопротивления была очевидна, да и в глубине души я не слишком-то возражала. Близость мужчины будила во мне непривычные, но однозначно приятные ощущения, а его прикосновения вызывали желание плюнуть на все

разумные мысли. Может, на меня тоже подействовало это их зелье? Или это просто заразно?

– Горло вырву, – процедил он, стягивая полурасстегнутую рубашку с моего плеча. – Замолчи, женщина, – тихо рыкнул оборотень и не больно, но вполне ощутимо прикусил шею сбоку. Я сбилась с дыхания – не то от этого своеобразного поцелуя, не то от прикосновений его пальцев. – Упрямая! Я же чую твой запах, ты тоже пахнешь желанием, – прошептал он, не прекращая ласкать меня и покрывать поцелуями шею, плечо и ухо.

Я честно хотела не послушаться и высказать обратную все, что думаю о подобном поведении. К этому моменту меня уже совершенно не беспокоил ни кабинет, ни стол в качестве ложа – правда, уже без чертежей, – ни поспешность мужчины, ни все остальные странности его поведения; но, демоны поберите, можно было хотя бы дверь закрыть на замок?! Не может же его не быть в императорском кабинете!

Но высказаться мне не дали. Сначала я задохнулась от прокатившейся по телу волны удовольствия, а потом вообще стало поздно возражать. Ладонь мужчины легла мне на поясницу, заставляя наклониться, и через мгновение все остальное потеряло смысл.

– Я об этом думал с того момента, как вошел в этот кабинет, – тихо хмыкнул Руамар, когда мы, восстанавливая дыхание и выравнивая сердцебиение, некоторое время спустя

стояли на том же месте возле того же самого стола. Оборотень не выпускал меня из объятий, крепко обхватив обеими руками и уткнувшись носом в пряди волос за ухом, и я даже была готова сказать ему за это спасибо. Потому что здорово сомневалась в собственной способности стоять без посторонней помощи; утреннее «лечение» не помогло восстановить силы, а сейчас рассеялись последние их остатки. Интересно, откуда у оборотня столько дурной энергии, если по заверениям Уру он должен лежать пластом?

– О чем именно? – осторожно уточнила я.

Руамар в ответ выразительно фыркнул и, чуть отстранившись, аккуратно заправил полы моей рубахи, после чего занялся приведением в порядок собственной одежды. Опомившись, я принялась дрожащими пальцами воевать с ремнем, пытаюсь его застегнуть. Стол в качестве опоры в этот момент был весьма кстати. Интересно, как я без посторонней помощи сумею добраться хотя бы до спальни?

Император оказался значительно проворнее меня и, пока я возилась с пряжкой, задумчиво разглядывая верхние расстегнутые пуговицы рубашки и морально готовясь к борьбе с ними, успел придать себе приличный внешний вид. Правда, дальше он опять повел себя очень странно: перехватив меня за запястье, рухнул в ближайшее кресло и потянул за собой.

– Ваше величество? – неуверенно окликнула я двуликого.

– Сядь, – раздраженно скомандовал он.

– Но...

– Ко мне на колени сядь, – ворчливо пояснил он и, не дожидаясь, пока я сделаю то, что требуется, дернул меня на себя, коварно подбив ногу. Слегка, но в нынешнем состоянии на меня было достаточно дунуть, чтобы уронить. Угнездив таким странным образом, он обхватил меня обеими руками и опять уткнулся носом в шею.

– Ваше величество, вы странно себя ведете, – не выдержала я. – Зачем вы постоянно меня нюхаете? Я...

– Я веду себя совершенно нормально, – недовольно огрызнулся он. – Первое время, пока не сформируется привычка, запах и постоянный физический контакт вызывают сильную зависимость и раздельное существование в этой связи представляется проблематичным. Поэтому первое время после обряда пару стараются лишний раз не беспокоить.

– Первое время – это сколько?

– От нескольких дней до двух месяцев, все индивидуально.

– Но зачем так над собой издеваться? – потрясенно проворкотала я. – Ладно, для закрепления обряда надо отключить мозги, но вот это-то зачем?

– Во-первых, это помогает сформировать привычку в случае конфликта запахов. Во-вторых, очень часто именно в это время происходит зачатие потомства. В-третьих, этому обряду уже больше двух тысяч лет, и чем думали его создатели, тебе даже жрицы не скажут. Ну и, в-последних, меня то-

же раздражает это состояние, но остается только ждать, пока все пройдет само, – развернуто и даже почти благодушно пояснил император, медленно поглаживая мое бедро.

– То есть это нормально, и вы именно поэтому постоянно норовите меня пощупать? – хмыкнула я, почти успокаиваясь на сей счет. Теперь по крайней мере было объяснимо воловье спокойствие окружающих: видимо, и не к такому привыкли.

– Именно поэтому мне сложно надолго тебя отпустить далеко и сосредоточиться на делах. А в остальном... почему бы не пощупать, если есть за что? – насмешливо пояснил он, красноречиво сжав ладонью мою ягодицу. В голосе проскользнули настолько знакомые интонации, что я вдруг засомневалась в личности собеседника. Был у меня в полку один поручик, демонски охочий до баб и бойкий на язык; я в этот момент буквально воочию увидела перед собой его усатую физиономию.

Ладно я, десять лет с передовой не вылезала, лишь последние полгода прожила во дворце и, кажется, только-только отскребла от кожи запах костра и конского пота. И казарменное чувство юмора порой проклевывается, сложно одним махом вот так вытравить прочно вбитые окружением привычки. Но у императора откуда такие замашки? Оттуда же, откуда и у меня? Или этим грешат не только господа офицеры в поле, а все мужчины без скидок на занимаемые должности?

Интересно было бы взглянуть на лицо брата, если я в пись-

ме задам ему этот вопрос.

– Ваше величество, я же, собственно, пришла к вам с вопросом, – кстати вспомнила я и тут же уцепилась за возможность сменить тему.

– Прекрати это, – недовольно поморщился он.

– Простите, что прекратить?

– Скакать с «ты» на «вы», с «величества» на имя и обратно. Раздражает.

– Простите, я не уверена...

– Наедине – Руамар, – оборвал он мои возражения. – Давай свой вопрос.

– Собственно, я вам... тебе его уже задавала, но ты отмахнулся, – послушно переключилась я. Сознательно «тыкать» этому типу было трудно, но, с другой стороны, весьма логично. Хотя мы почти и незнакомы, но он все-таки мой муж; и он-то как раз на «вы» не сбивается. – Я не умею и не желаю сидеть без дела, поэтому хотела спросить о своих обязанностях.

– Обязанность жены Владыки – греть постель, рожать наследников и следить за порядком в замке. И не лезть в дела мужа. Как в общем-то любой жены, – невозмутимо сообщил император.

Несколько секунд я подождала продолжения и, не дождавшись, уточнила:

– И все пункты обязательны к исполнению?

– Все, – с той же невозмутимостью кивнул оборотень.

– А почему ты тогда не одернул меня по поводу этого моста? – ошарашенно уточнила я. Высказанные им слова совершенно не вязались с его поведением.

– Я так похож на идиота? – иронично уточнил он. – Если кто-то способен приносить пользу, мне плевать, как он выглядит и что у него между ног, – фыркнул оборотень. – О том, что ты хороший инженер и командир, я осведомлен. И раз ты изъявляешь желание быть полезной, я придумаю, как можно использовать эти качества. Но я бы предпочел, чтобы ты занялась финансами.

– То есть?

– У меня уже давно не получается найти вменяемого казначея, – пояснил Руамар.

– И ты вот так с ходу доверишь потенциальной шпионке-диверсантке такой важный вопрос? – От удивления я даже отстранилась, чтобы заглянуть в его лицо. Точнее, попыталась; на мое шевеление мужчина ответил тихим раздраженным рычанием и усилением хватки.

– Ложь тоже имеет свой запах, и скрывать его постоянно не способен никто, особенно – человек. Это если тебя интересуют гарантии. А причины... мне показалось, ты искренне желала мира и твоя жертва была совершенно добровольной. Так что я склонен доверять твоему желанию помочь.

– Под жертвой имеется в виду брак? – уточнила я. – А почему ты решил, что добровольно? Может, это был такой хитрый маневр, чтобы втереться в доверие?

– Я не понял, чего ты хочешь от меня добиться? – фыркнул он почти мне в ухо. – Ты пришла просить о доверии, но пытаешься убедить меня, что доверять тебе нельзя. Я вижу в этом некоторое противоречие.

– Просто я не ожидала, что с тобой будет так легко договориться, – честно призналась я. – Это не вяжется с твоим психологическим портретом. Я полагала, ты весьма упрям и категоричен.

Ситуация ставила меня в тупик, стоило это признать. Не только готовность звериного императора доверить мне рушскую казну, но сам этот мужчина и наш брак.

Было странно сидеть вот так, у него на коленях. Странно было спокойно и деловито, как старые знакомые, обсуждать какие-то вопросы. Странно ощущать уверенные прикосновения и не испытывать из-за них никакого психологического дискомфорта. Странно, что суровый Владыка империи Руш на проверку оказался совершенно обыкновенным мужчиной; может, только непривычно бесцеремонным и гораздо более властным в манерах, чем, скажем, отец.

Император Димир в общении всегда был безукоризненно вежлив, никогда не повышал голос, и его приказы обычно облекались в форму почти дружеских просьб, исполнявшихся тем не менее неукоснительно. А Руамар образом поведения напоминал не правителя огромной, весьма развитой страны, а вождя какого-нибудь дикого племени или вожака стаи, чья власть зиждется на страхе и физической силе. И тем

неожиданнее было встретить в нем сейчас спокойную рассудительность и готовность прислушаться к мнению совершенно постороннего существа, более того – человека, *беззубого*, да еще и женщины.

– Более чем, – удовлетворенно усмехнулся он. – Но даже мое упрямство не доходит до отрицания очевидных вещей. Ни ты, ни я от этого брака уже не избавимся; более того, нам обоим выгодно, чтобы другой оставался в добром здравии. Тебе – потому что без меня тебя просто растерзают и сбежать ты не успеешь, мне – потому что твоя гибель приведет к ненужному сейчас обострению только-только наметившихся мирных отношений с Орсой. А если нет возможности изменить какое-то обстоятельство, разумнее не драть когтями камни, а выжать из ситуации максимум выгоды. Тем более единственный минус, который я вижу, это твое человеческое происхождение: во-первых, тебя не примут многие мои подданные, а во-вторых, ты скорее всего не сможешь родить мне наследника. Если бы не это, из тебя вышла бы лучшая императрица, какую можно было бы пожелать: ты умна, рассудительна, благородна и лишена типично женских недостатков вроде слезливости, впечатлительности и трусости. Кроме того, мне приятен твой запах, ты привлекательна внешне и устраиваешь меня в постели, что в случае договорного брака вообще можно считать даром Первопредка. Это несколько эгоистично, но лично меня почти все устраивает. Так зачем я буду сознательно идти на конфликт

с тобой и портить себе жизнь, если вместо этого могу получать удовольствие! Я ответил на твои вопросы?

– Да, вполне. Только как бы подданные на этой волне не решили устроить государственный переворот, – поморщилась я.

– Полагаю, уже решили, – усмехнулся он. – У меня даже есть десяток вероятных кандидатур организаторов и несколько возможных сценариев. Так что ты думаешь об обязанностях казначея?

– Кое-что надо вспомнить, вникнуть в тонкости и местные традиции, – задумчиво протянула я. – Но если у тебя действительно все настолько плохо со специалистами в этой области, я могу попробовать. Полностью взять на себя эти обязанности вряд ли, но...

– Вникай, – удовлетворенно кивнул оборотень. – Столько лет как-то прожили, еще пару протянем. Вся нужная информация должна быть в библиотеке, если что-то непонятно – спрашивай меня. Ты же читаешь на нашем языке не хуже, чем говоришь? Вот и хорошо. Уру проводит тебя куда надо.

– Так это ты ее ко мне приставил?

– А что, не прижилась? – вопросом на вопрос ответил Руамар.

– Да нет, напротив, я хотела сказать за нее отдельное спасибо. Очень милая девочка, откуда только взялась такая...

– Где взялась, там таких больше нет, – ухмыльнулся он. – Она из жреческого рода, а эти не способны предать старшую

кровь. А в тебе после обряда течет именно она.

Я хотела задать еще несколько вопросов, но нас прервал осторожный стук в дверь.

– Кого там еще принесло? – раздраженно прорычал оборотень, а я демонстративно прочистила пальцем пострадавшее от этого ухо. Хулиганство, конечно, но действительно получилось громко, мог бы и отвернуться. Муж на этот жест не обратил никакого внимания.

– Ваше величество, к вам прибыл Инварр-ар. Я понимаю, что вы велели никого не пускать, но вы также велели...

– Впускай, – ворчливо отозвался оборотень. Я попыталась подняться, но Руамар тихо рыкнул на этот раз уже на меня и предостерегающе сжал крепче. Поскольку соотношение сил было совсем не в мою пользу – и в лучшие-то моменты, а сейчас меня вовсе качало от слабости, – осталось только смириться.

Но привыкнуть к такому его поведению я в ближайшем будущем вряд ли смогу. Слишком фамильярно, слишком откровенно, а я ведь знаю его пару суток. С другой стороны, может, в этой стимуляции инстинктивного влечения действительно есть определенный смысл? Сложно воспринимать как постороннего того, кто постоянно находится в твоём личном пространстве.

Мунар Инварр-ар был личностью весьма примечательной. О его биографии до определенного момента известно было мало. Скорее даже не было известно ничего, потому

что вся имеющаяся информация находилась на уровне слухов и сплетен разной степени достоверности. Представлялось наиболее вероятным, что Инварр-ар был родом из низов (о чем говорили некоторые привычки мужчины и фамильный суффикс, у кошаков с этим строго), а то и вовсе из беспризорников. Многие от этого факта брезгливо морщили носы, а вот обремененные наличием мозга существа относились к двуликому с разумным опасением. Для того чтобы со дна вскарабкаться на такую высоту, надо обладать недюжинными способностями. Во всяком случае, хваткой, волей и упорством, и у Инварр-ара этих качеств было с избытком. А еще он был демонски умен, и кое-кто небезосновательно считал этого типа гораздо более опасным существом, чем Руамар. Своему императору Мунар был предан безоговорочно и слепо: именно нынешний правитель Руша его заметил, обласкал и возвысил. Правда, я всегда придерживалась мнения, что близость к трону – довольно сомнительная и спорная милость, но мало кто был готов со мной согласиться.

Внешность этот незаурядный тип имел, напротив, самую обыкновенную. Среднего роста, физически крепкий, жилистый, с крупными ладонями, выдающими не то воина, не то человека физического труда. Темные с рыжеватым отливом волосы были острижены очень коротко, открывая кисточки на немного лопуухих ушах. Лицо – невыразительное, простое, но тем не менее оно казалось приятным и привлекало

внимание. Не столько чертами, сколько читающимся в них характером и умом в насмешливых серых глазах. В жизни Инварр-ар оказался значительно приятнее, чем на портрете.

– Доброго дня, ваши величества, – вежливо поклонился посетитель, пряча улыбку в уголках губ. – Надеюсь, я не слишком не вовремя?

– Сейчас все не вовремя, – скривился Руамар, а я опять предприняла попытку встать, в процессе застегивая пуговицы рубашки. На этот раз оборотень не стал возражать, даже поднялся следом за мной.

– Господа, с вашего позволения, я вас оставляю. – Я коротко склонила голову, стараясь не делать резких движений, чтобы не закружилась голова и не повело.

– С какой целью? – подозрительно сощурился император.

– Плотно поесть и лечь спать, – честно созналась я, не желая тратить время на долгие расшаркивания. Собственное состояние раздражало; голова хоть и была ясной, но тело категорически отказывалось ее держать. Можно было бы перетерпеть и заставить себя, но я не видела смысла в этом действии. Куда проще и разумнее было дать телу необходимый отдых и уже потом заниматься решением прочих вопросов.

Инварр-ар опять спрятал улыбку, опустив взгляд, а Руамар задумчиво кивнул. Этот жест я восприняла как команду к действию. Подхватила со стола ножны с клинком (убей – не вспомню, когда оборотень успел их отцепить), отрывистым кивком попрощалась, привычно щелкнув каблуками,

и вышла, развернувшись через левое плечо. Новоявленный муж проводил меня очень странным взглядом.

Император Руамар Шаар-ан

Бывают моменты, когда я начинаю завидовать беззубым. Признавать это было стыдно, даже несмотря на собственное достаточно лояльное отношение к людям, но и спорить с очевидным не хотелось.

Мы сильнее, быстрее, выносливее, живем дольше и меньше бодем, не усложняем свою жизнь кучей надуманных правил и церемоний. Но все эти плюсы меркнут, когда требования инстинктов начинают серьезно противоречить велениям разума. Сейчас эта проблема встала особенно остро.

Собственная заикленность, неспособность связно мыслить и какая-то взбудораженность всего организма откровенно злили. Впору было бить благодарственные поклоны брату за то, что по его дурости я умудрился жениться именно на этой женщине, и императору Димиру за то, что он ее такой воспитал. Потому что искать подходящую пару мне было уже давно пора, и если бы на месте Александры оказалась какая-то двулика, мы бы оба совершенно выпали из реальности с непредвиденными последствиями для империи. А так человеческая женщина благополучно сохраняла здравость рассудка, и мне волей-неволей приходилось соответствовать. Уже одно то, как аккуратно и правильно она осадил меня с этой обрубленной кошкой, стоило восхищения;

ведь точно не сдержался бы, вспорол дуре горло, не разбираясь, кто прав и виноват. На что, очевидно, и был расчет.

Что вспыхнувшую ярость не удалось просто проглотить — это было мелочью в сравнении с остальными возможными последствиями. А что при взгляде на беззубую ярость удивительно быстро превратилась в навязчивое и почти болезненное вожеление... так потушить этот огонь оказалось куда проще, да и приятнее. Хотя я и сомневался, что смогу в ближайшем будущем спокойно работать за собственным столом, не отвлекаясь на посторонние мысли.

Проклятая традиция и проклятое зелье. Клянусь когтями Первопредка, как только более-менее приду в себя, поставлю задачу разобраться с этим обрядом, выяснить его изначальную функцию и изыскать возможность обхода. Хотя бы в случае добровольного брака! А если это не получится, наследника женю при первой же подходящей возможности. Во избежание.

Появление в моем кабинете Инварр-ара было закономерно и даже необходимо. По-хорошему я должен был вызвать его сразу, как только поместил дочь Изура Ордар-вера под стражу, но в тот момент мне было не до него. Судя по всему, Мунар это понял и решил прийти без вызова.

Тот факт, что Александра воспользовалась поводом и сбежала... тоже в общем-то к лучшему. Во-первых, ей в самом деле стоило отдохнуть, а во-вторых, сейчас ей действительно нечего было здесь делать, с Инварр-аром я предпочитал

беседовать без свидетелей.

– Мун, скажи, какой обрубок убрал из моего кабинета кристалл связи и что случилось со звукоизоляцией? – мрачно уточнил я, пересаживаясь в свое кресло.

– Не ворчи, – усмехнулся он, без приглашения усаживаясь напротив. – Кристалл просто выдохся, а перед его возвращением на законное место я решил провести у тебя профилактику, подновить защитные артефакты и почистить общий фон. В покоях к твоему возвращению успели закончить, а сюда вечером придут ребята и все настроят. Извини, но я тоже не ожидал, что ты наутро после обряда возжелаешь заняться делами. Думал, хотя бы до завтра подождешь.

– Может, и стоило, – вынужденно согласился я, состроив недовольную гримасу. – Сегодняшняя моя работа крайне непродуктивна. За три часа только и успел, что казначея отчитать да окончательно утвердить проект нашего сегмента нового торгового тракта.

– Это который в Орсу? – уточнил собеседник. – Тоже неплохо, – дипломатично похвалил Мунар, когда я утвердительно кивнул. – Зато, насколько я могу судить, твои отношения с нашей новоявленной императрицей стремительно налаживаются?

– Не то слово, – хмыкнул я. – Даже не знаю теперь, как благодарить соседа за такой подарок.

– Я давно говорил, что тебя сам Первопредок бережет и тенью за тобой ходит, и ничего неправильного с тобой слу-

читься не может, — насмешливо отмахнулся он. — Скажи лучше, как твое самочувствие? Тебя вчера так накрыло на обряде, что мы всерьез забеспокоились и за тебя и за нее, а вы сегодня бегаете живчиками на зависть окружающим.

— Да. Самочувствие, — опомнился я. — Выгляни, скажи Вуру, чтобы поторопился с обедом; это была очень хорошая идея. Если присоединишься, пусть на двоих несут.

Инварр-ар быстро отдал распоряжения и вернулся в кресло.

— Ты так и не ответил, как самочувствие?

— Ощущаю себя слабым, как новорожденный котенок. Злит. Но не это главное; гораздо сильнее раздражает голова.

— Сочувствую, — искренне проговорил собеседник, кивая. — Очень хорошо тебя понимаю; особенно когда надо заниматься делами, хуже нет. Отдохнул бы хотя бы пару дней да развлекся от души, отбросить самоконтроль иногда тоже бывает полезно.

— Полагаешь, пары дней хватит, чтобы кончилось действие «крови»?

— Нет, но зато потом будет что вспомнить, — расхохотался он, а я только неодобрительно скривился, но комментировать его слова не стал. Мунар лучше всех прочих понимал мою проблему, поскольку сам через это прошел: он тоже в свое время не мог оставить службу ради личной жизни, и я хорошо помнил, каких усилий ему стоило сосредоточиться на делах, особенно по первости.

– А что такого необычного было на обряде? – Я решил уточнить царапнувшее слух замечание.

– На тебя очень быстро и сильно подействовало зелье. Несколько минут ты простоял с блаженной улыбкой идиота, а потом просто перекинулся и своим ходом побежал догонять женщину. Никто из жриц и ухом не повел, будто так и надо, а нам ничего не оставалось, кроме как последовать за тобой. Зара сказала, что сопровождающие Александру женщины даже покои покинуть не успели, когда ты появился. Задержись они по дороге на пару минут, и свой брак ты бы скреплял посреди замкового коридора.

– Я говорил, что проще было остаться в святилище, а кто-то поленился возиться с охраной, – проворчал я. – Ладно, под хвост вчерашние события, меня больше интересуют сегодняшние. Что-нибудь уже прояснилось?

– Быстрый какой. Что это тебе, блошиная охота? Работают лучшие специалисты, а результаты будут к вечеру. Но дело действительно с душком, если все именно так, как мне описали. Я очень удивлен и восхищен, что ты не убил ее на месте. Мало кто на твоём месте сдержался бы.

– Тут не меня надо благодарить, Александру, – скривился я. – Она... умудрилась меня остановить.

– Решительная женщина! – Брови Мунара удивленно взметнулись. – Или это последствия обряда и на тебя так зелье действует?

– Скорее просто очень умная, – пожал плечами я. – Лад-

но, если по этому делу ты мне ничего не можешь сказать, давай тогда займемся другими. Что тут было в мое отсутствие, как у вас с Анамаром продвигается плановая чистка армейского командного состава, что ты можешь мне сказать по случаям с разбойниками, а также про воровство на алмазном руднике?

– Что-что... лучше бы ты, как все нормальные оборотни, месяц в супружеской постели провел, – недовольно проворчал Инварр-ар, но докладывать по существу вопросов начал. И после перерыва на обед продолжил.

Запах еды оказал магическое воздействие – я даже о своей жене на какое-то время сумел забыть. А вот слова Муна на этом фоне почему-то не проскочили мимо ушей. Вот что значит – вовремя пообедать!

Разбойники вообще-то не относились к компетенции Муна, но сейчас их деяния приобрели пугающий размах. С войны возвращались те, кто умел только воевать, и некоторые из них не хотели или не могли учиться мирной жизни.

А рудник... тоже, увы, понятно и объяснимо. Страна истощена войной, жители истощены войной, и некоторые, прежде не помышлявшие о преступлении как о способе решения своих проблем, сейчас дошли до грани. Преступность в последние годы сильно выросла, и с этим тоже надо было что-то делать. Как и с разросшейся армией, напоминающей в финансовом смысле бездонный омут, и с неурожаями, требовавшими докупить недостающее у соседей, и еще с сотней

крупных и мелких напастей, разъедавших еще совсем недавно благополучную страну. Сейчас, когда появилась возможность расформировать большую часть армии и высвободить тем самым нужные ресурсы, все это пока выглядело поправимым: очень вовремя мы спохватились.

Да, вступая в войну, император Шидар явно не ожидал, что она так сильно затянется.

Императрица Александра Шаар-ан

Не хотелось это признавать, но я, кажется, весьма переоценила свои силы. От кабинета до покоев было недалеко, но через несколько шагов я начала очень сомневаться в своей способности преодолеть этот путь. Голова закружилась, и пришлось привалиться к стене всего в нескольких метрах от приемной, пережидая дурноту, чтобы не рухнуть посреди коридора.

Прикосновение к затылку прохладного полированного камня приободрило и прочистило голову. Попыталась высказаться гордость, мол, обращаться за помощью – недостойно и вообще стыдно, но была быстро и невежливо заткнута. Потому что растянуться по дороге было еще менее достойно, а не попросить помощи, когда она действительно объективно нужна, – еще и глупо.

Но, когда я почти уже отклеилась от стены, чтобы вернуться обратно в кабинет, меня отвлек чужой, смутно знакомый голос, прозвучавший совсем рядом. Голос был странный –

высокий и хриплый, каркающий.

– Все-таки хороша девка!

Вздрогнув от неожиданности, я распахнула глаза, дабы выяснить, кто это такой разговорчивый. Увиденное меня, мягко говоря, озадачило.

Рядом стояла старуха. Скрюченная, высохшая, маленького роста, со сморщенным лицом и крючковатым носом; она напоминала какую-то странную птицу, да вдобавок еще давно и безнадежно мертвую. Длинные редкие седые волосы были разделены на пряди, часть которых была переплетена пестрыми шнурками, а часть – прихотливо перехвачена нитками, и клоками свисали до талии, завешивая женщину дымчато-серым паутинным покрывалом. Традиционный местный наряд, в покрое которого я не стала разбираться сегодня утром, напоминал на ней древний саван, особенно своим пыльно-белым цветом.

И только глаза – внимательные, ярко-желтые, звериные – выбивались из образа. В них была властность, мудрость и совсем не было старости.

– Кто вы? – решительно отстранившись от стены, спросила я.

Старуха не спешила отвечать; восхищенно цокая языком, как будто на рынке приценивалась к приглянувшейся кобыле, она начала обходить меня по кругу, цепко придерживая за локоть, когда я попыталась повернуться к ней лицом.

– А Владыка-то наш не промах, – противно ухмыльнулась

она, приняхиваясь. – И страной управлять успевает, и жену охаживать не забывает!

– Какое ваше... – раздраженно начала я, сожалея, что передо мной стоит такой ветхий музейный экспонат, а я даже не представляю, как можно ее урезонить, делая скидку на древность и subtilность. Первый пришедший в голову вариант «кулаком в ухо» можно было трактовать как преднамеренное убийство. Второй – пара забористых оборотов непечатного характера – встал поперек горла: воспитание и кровь венценосных предков были категорически против.

– Молчи, девка, я говорю! – властно оборвала она. – И вообще, я тебе добра желаю, – вполне миролюбиво заключила старуха. – Не признала, беззубая? Ты из моих рук вчера чашу с кровью брала, жрица я. Ни тебе, ни мужчине твоему худого не сделаю. – Сухая ладонь кандалами сомкнулась на моем запястье, и старуха потащила меня по коридору.

Поскольку направление совпадало с нужным, а слабость почему-то отступила, я покорно поплелась следом. Во всяком случае, до императорских покоев нам по пути.

– Шидар упрямый дурак, – проворчала она. – Неправильная война, гадкая, подлая. Хорошо мальчишка умнее оказался, прекратил, тебя взял. Выйдет дело, чую – выйдет! Хорошее дело выйдет, ладное, – бормотала старуха, а я не особенно вслушивалась.

К моему удивлению, жрица привела меня именно туда, куда нужно было, то есть – в покои. Невозмутимо втащи-

ла внутрь, подвела к накрытому на двоих столу и кивнула на кресло, а сама царственным движением, не вяжущимся с согбенной спиной и шаркающей походкой, опустилась напротив. Я озадаченно огляделась, не понимая, кто и когда успел исполнить мое желание наконец-то поесть. Происходящее мне не нравилось – чем дальше, тем сильнее. Зрела твердая уверенность, что старуху эту слушать не следует, а делать то, что она говорит, – тем более. Хотя голод был просто зверский; утром желудок от мыслей о еде порывался вывернуться наизнанку, а теперь явно угрожал переварить самого себя, если не подкинуть ему чего-нибудь существенного.

– Ешь, девка. Тебе сил много надо, и сейчас, и потом, – подбодрила меня безымянная жрица. Я вспомнила, что Руамар упоминал о неспособности жриц на предательство, и решила рискнуть.

Вот что мне действительно нравилось в Руше, так это их кухня. Много мяса, пряностей, свежие фрукты и овощи: то, что я больше всего любила и чего мне так не хватало на армейском довольствии. Судя по тому, что еда была горячее, на стол накрыли буквально перед нашим приходом.

– Ешь, ешь, – одобрительно кивала старуха, внимательно наблюдая за моим выбором блюд. – Это молодец, это правильно. Есть хорошо надо. И на вопросы мои отвечать. Муж твой первым у тебя был?

– Да какое... – опять попыталась возмутиться я, но жрица

опять рывкнула, звучно хлопнув ладонью по столу:

– Отвечай!

– Да, – кивнула я. И с подозрением воззрилась на старуху; обсуждать с ней подобные вещи я не планировала, тогда почему ответила?

– Утром он тебя лечил? – пристально буравя меня взглядом, продолжила женщина лезть не в свое дело. И опять я не смогла промолчать.

– Да.

– Молодец мальчик, – удовлетворенно сощурилась она.

В еде все же что-то было? Нечто вроде сыворотки правды? Или какое-то другое зелье?

Мысли метались лихорадочно, но никаких побочных эффектов со стороны здоровья я у себя найти не могла. Не кружилась голова, не рассеивалось внимание, просто я не могла не делать то, что она мне говорит. И это уже пугало.

Я попыталась встать, но жрица опять, не отрывая взгляда от моего лица, припечатала короткой командой:

– Сидеть! И слушать. Упертая какая... Тяжело с вами, все с характерами, все упрямые. Говорю же, добра желаю! – сурово нахмурилась она, когда я опять попыталась встать. Ощущение было такое, будто на меня сверху положили что-то мягкое, обволакивающее и очень тяжелое, да еще проклятая слабость навалилась с новой силой. – Ну девка! Огонь! – Старуха вдруг опять восхищенно прицокнула языком, ухмыльнувшись. – Хорошо выйдет! Очень хорошо выйдет!

Значит, так. Ты жить хочешь? – сощурилась жрица. – Тогда сделаешь, что говорят! – Она с неожиданной для ее возраста прытью поднялась, обошла стол и, обхватив ладонями мою голову, приблизила свое лицо к моему, буравя взглядом.

Я почувствовала, что все сильнее начинает кружиться голова. Желтые глаза на сморщенном лице горели огнем и даже почти обжигали. По ощущениям – жгло где-то внутри головы; остро, на грани боли. Мысли рассыпались на обрывки, отдельные бессвязные слова и образы и спекались в плотную бессмысленную массу. Я даже как будто слышала запах гари.

Зрение тоже вело себя странно; я видела перед собой лишь желтые звериные глаза с тонкими ниточками зрачков, а вокруг них – мутные пестрые пятна. Звуки вокруг были гулкими и невнятными, как в трубе: какие-то шорохи, возгласы, мерный звонкий стук молота по наковальне и бессвязное бормотание старухи.

– Вот и славно, вот и правильно. Забыли, все забыли, потеряли, забросили... Ничего, старая Рууша помнит, старая Рууша сделает как надо! Первопредок радоваться будет. Ладно все выйдет, хорошо. Все, что забылось, вспомнится! Исправится все, пора!

Кроме горящих желтых глаз и монотонного гула, в мире не осталось ничего, а потом меня вовсе окутала темнота.

Император Руамар Шаар-ан

Что я свои силы переоценил, стало понятно очень быст-

ро. Пару вопросов мы, конечно, с Мунаром обсудили, но потом всплыли еще несколько тем, и все важные, и каждой надо было уделить время. В общем, спустя два часа после обеда я понял, что уже физически не могу сосредоточиться на чем-то серьезном. Запах – терпкий, безумно притягательный запах человеческой женщины, волей Первопредка ставшей моей женой, – дразнил и никак не хотел отпускать. В реальности он был гораздо менее явным, чем в воображении, но осознание этого факта никак не облегчало моего состояния. Но я упрямо сопротивлялся собственной природе, а Инварр-ар – проявлял свойственную ему тактичность, никак не комментируя необходимость каждые несколько минут окликать меня и возвращать в действительность. Но в конце концов не выдержал и он.

– Рур, может, хватит уже себя изводить?! – раздраженно проворчал Мун.

– Можно подумать, у меня есть выбор, – огрызнулся я.

– Есть. – Он слегка пожал плечами. – Пойти и... отдохнуть. Рур, я понимаю, что ты привык участвовать решительно во всем, и это очень достойное качество, но сейчас ты перегибаешь.

– Мне не нравится собственная беспомощность, – вздохнул я. – И я не могу понять: из-за нее меня терзают дурные предчувствия или это вполне объективная тревога?

– После визита этой девицы? – насмешливо вскинул брови Мунар, кивнув на дверь. – Я бы скорее удивился, если бы

неприятные предчувствия тебя не терзали. К тому же я почти уверен, что новую императрицу некоторые не примут категорически. Ты, кстати, когда планируешь представить ее старшему дворянству? Я бы предложил не тянуть с этим. Чем больше времени проходит, тем больше ты даешь им козыри в руки.

– Да все я понимаю, – отмахнулся я. – И что не примут, и что тянуть не стоит, но... клянусь когтями Первопредка, я бы не смог найти настолько подходящую на эту роль женщину, даже если бы искал. А прежде чем представлять ее дворянству, нужно хоть немного взять себя в руки. Потому что есть у меня ощущение, что сейчас я могу убить даже за косой взгляд в ее сторону. И самое смешное, что здесь разум будет на стороне инстинктов.

– А ты не влюбился ли, часом? – ошарашенно уставился на меня Мунар, в ответ на что я скривился и отмахнулся.

– Мое эмоциональное к ней отношение здесь не играет никакой роли. Мун, она просто очень умная женщина с соответствующим этому положению характером. Уже за одно то, что она морально готова взвалить на себя обязанности казначея, я намерен не просто мириться с ее существованием, но жестко бороться за сохранение ее нынешнего статуса. Говорю же, нарочно искал бы такую, не нашел! Я уже сейчас уверен, что она может здорово помочь мне и при этом вполне достойна доверия. И в сравнении с большинством наших девушек из высшего круга она явно выигрывает в этом отно-

шении. В отличие от Шидара, я эгоистично предпочту умного помощника бессмысленной грелке в постели.

– А на вопрос ты так и не ответил, – иронично улыбнулся друг, качнув головой. Но прокомментировать эти слова я не успел: в дверь постучали.

– Ваше величество, – осторожно начал Вангур, заглянув в кабинет, услышав мое раздраженное «да, кого там еще принесло?!», – прибыл Изур Ордар-вер, просит вашей аудиенции.

– Зови, – кивнул я, обменявшись с Муном взглядами.

Причина появления этого типа в моем кабинете была более чем очевидна: пришел просить за дочь. А вот что с этим делать, я пока не знал.

Изур Ордар-вер был очень умным и, главное, влиятельным оборотнем. До неприличия богатый потомственный промышленник, очень практичный и рассудительный тип. У него был только один существенный недостаток – семья: жена и две дочери. Все эти три женщины были серьезной головной болью для Изура, ибо не отличались не только особым умом, но даже женской житейской мудростью, отчего страдали сначала они, а потом – его репутация и кошелек.

Мои отношения с Инсарой начались с того, что я нашел эту девицу в собственной спальне. Вернее, девицей она на тот момент уже не была, но это несущественно. Главное, нынешний поступок вполне вписывался в ее характер и манеру поведения. Но даже она не могла не помнить о наказа-

нии за нападение на императрицу. Да и догадаться поджидать ее здесь она вряд ли могла.

Изур был намного старше меня, почти ровесником императора Шидара. Только, в отличие от него, на тот свет явно не торопился, тщательно следил за здоровьем и в результате выглядел значительно моложе своих лет. Невысокий, жилистый, крепко сбитый, в свои без малого восемьдесят он выглядел от силы на пятьдесят, на покой не торопился и, насколько я знал, был поглощен мыслью о замене старой жены на новую в надежде все-таки получить от нее сына и наследника.

– Приветствую, Владыка, – отрывисто кивнул он, входя в кабинет и бросая на Муна тревожный взгляд.

У этих двоих с первого мгновения их знакомства сохранился вооруженный нейтралитет. По-моему, Изур со всей его родословной (а род Ордар-веров по своей древности ненамного отставал от императорского) психологически не мог принять Инварр-ара как равного, но природная рассудительность и ум мешали воспринимать столь умного и опасного двуликого как незнатного выскочку и недооценивать его.

– Здравствуйте, Изур. – Я недовольно поморщился, потому что никакого желания общаться с ним у меня не было, да и моральных сил – тоже. Если общество Мунара еще как-то получалось терпеть, потому что тот относился, что называется, к ближнему кругу, то с этим посетителем все было го-

раздо сложнее. Ордар-вера я уважал, но в нынешнем состоянии этого определено было недостаточно, чтобы спокойно воспринимать его компанию. Тем не менее идти на поводу у желаний я не имел никакого права. – Присаживайтесь, – гостеприимно указал я на второе кресло для посетителей. – Вы желали что-то мне сказать?

– Руамар, пожалуйста, помилуйте ее, – подался вперед Изур, замирая возле моего стола. Выдержка изменила этому многоопытному хитрому оборотню, и сейчас в его глазах плескалось отчаяние. Мне даже стало почти жалко его.

– Присаживайтесь, – с нажимом повторил я, и оборотень, опомнившись, послушался, по-прежнему не отрывая от меня напряженного взгляда. – Кого – ее? – уточнил я.

– Инсару. Она просто глупая избалованная девочка, она ни в коем случае не пыталась покушаться на ее величество!

– Закон есть закон. – Я задумчиво пожал плечами. Ссориться с Ордар-вером мне было невыгодно. Но и просто так помиловать – значит проявить слабость, и он же первый не понял бы такого поведения. Вот только что именно стоило поиметь с него в качестве откупных?

– Я все понимаю, но, может быть, ее величество согласится принять извинения? В любой форме, какой ей или вам будет угодно, – покаянно склонил голову он.

– Изур, неужели оно в самом деле того стоит? – уточнил я через несколько секунд молчания. Мунар благоразумно по-

малкивал и делал вид, что его здесь нет.

— Она моя дочь, ваше величество, — тяжело вздохнул он. — Родная кровь. Да, она глупа, но я все равно люблю ее. Даже несмотря на ее поведение и поступки, она... хорошая девочка. Добрая, милая и очень домашняя. В конце концов, ее поведение — это скорее моя вина, я слишком мало времени уделял ее воспитанию и слишком избаловал ее. Если бы у вас были дети, вы бы поняли меня! — с отчаянием заключил он, но тут же одернул себя, вновь опуская глаза. — Простите, Владыка, я не... не то имел в виду...

Я молчал, обдумывая ситуацию и последние слова Ордар-вера. Их вполне можно было трактовать как оскорбление, но стоило ли?

— До конца дознания она останется в камере, — наконец проговорил я. Изур вскинул на меня полный шальной надежды взгляд. — Ее судьбу я решу позднее, и благодарите за это ее величество; если бы не она, ваша дочь была бы уже мертва.

— Дознания? — дрогнувшим голосом переспросил он. — А разве не все очевидно?

— Скажем так, я сомневаюсь, что она *настолько* глупа. Вы пришли очень кстати: Инварр-ар задаст вам несколько вопросов по этому делу. — Я перевел взгляд на Муна, и тот, едва заметно улыбнувшись уголками губ, склонил голову.

— Пойдемте, Изур, — проговорил Мунар, поднимаясь из кресла. — Не будем дольше испытывать терпение его величества.

– Да, конечно, – не стал возражать старик и тоже встал. – Благодарю, Владыка, – низко поклонился он. – Вы подарили мне надежду, и уже за одно это я в долгу перед вами.

Я в ответ только кивнул. После того как посетители вышли, некоторое время просидел в задумчивости. Чувство долга боролось во мне с весьма приземленными желаниями. В конце концов на сторону последних встал и разум, согласившись, что особой пользы от меня сейчас не будет, и я решительно поднялся из-за стола. Завтра, все остальное – завтра. Завтра разберусь с документами, завтра Аиур наконец-то предоставит мне документы, завтра я решу, как и когда представлять подданным их императрицу.

К моему удивлению, она в спальне не обнаружилась. Александра туда, кажется, просто не дошла: она, полностью одетая, спала в кресле у накрытого стола. Отсутствие в обозримом пространстве приставленной к императрице помощницы мне категорически не понравилось, но ничем подозрительным в комнате не пахло.

От легкого прикосновения к плечу Александра дернулась и резко вскинулась просыпаясь.

– Ваше... Руамар? – озадаченно проговорила она, оглядываясь.

– А ты кого-то еще ждала? – насмешливо уточнил я, подхватывая с блюда тонкий ломтик копченого окорока.

– Нет, я просто... Приснилось мне, что ли? – нахмурилась она, окидывая взглядом содержимое стола. – Руамар, как зо-

вут ту жрицу, которая проводила над нами обряд?

– Старшая жрица, Арида, – ответил я. От жены и без того пахло беспокойством, а после моих слов она совершенно помрачнела. Хорошего настроения мне это не добавило, да же инстинкты тревожно примолкли. – Что случилось?

– В таком случае, если, конечно, это был не сон, я вляпалась в какую-то историю, – с хмурым раздражением процедила она.

– Рассказывай, – велел я, опускаясь в соседнее кресло.

Императрица Александра Шаар-ан

Рассказ мой много времени не занял. Да, собственно, рассказывать-то было нечего: какая-то старуха проводила до комнаты и... что-то сделала. Все. Но по мере передачи подробностей – а я и липовую жрицу описала, и ее высказывания постаралась вспомнить дословно – Руамар заметно мрачнел. Причем злым или встревоженным он не выглядел, скорее – напряженным и озадаченным.

– И как же ее звали? – под конец уточнил он, когда я выдохлась.

– Ты мне не поверишь, но я не помню, – вздохнула я. – Причем такое ощущение, что, когда проснулась и спрашивала у тебя имя, – помнила, а сейчас – нет. Но точно не Арида.

– Это совершенно определенно была не она. – Оборотень слегка качнул головой. – Описание внешности не соответствует. Ты точно уверена, что она была из двуликих?

– У нее были желтые глаза с вертикальными зрачками, – язвительно откликнулась я. – Этого достаточно для уверенности?

Непонимание происходящего нервировало. А учитывая, что император, похоже, тоже ничего не понял, беспокойство мое было более чем обоснованным. Очевидно было только одно: эта женщина применила ко мне какую-то магию. Вопрос только – какую и с какой целью? Никаких тревожных изменений в собственном организме я пока не ощущала, разве что голова со сна была тяжелая, но это совершенно ни о чем не говорило.

– Нет, – в том же тоне ответил император. – Она выглядела очень старой по человеческим меркам?

– Более чем, – кивнула я. – Что это меняет?

– Все.оборотни не доживают до дряхлости. Чувствуя приближение старости, зверь просто уходит и перестает отзываться, а после этого через несколько дней наступает смерть. Единственная, для кого имеется исключение, это старшая жрица, ее жизнь поддерживает сам Первопредок. Зверь Ариды покинул ее еще тогда, когда я был котенком, а ее взгляд... в общем, с тех пор она ослепла и не выходит из святилища. И умереть она сможет не раньше, чем наш прародитель укажет новую. Это могла быть маска?

– Очень качественная, – задумчиво пожала плечами я. – Фигура, походка, руки, лицо... Если только какая-нибудь магия?

– Например? – вопросительно вскинул брови оборотень.

– Откуда я знаю? Я не представляю, что именно она сделала со мной и как, а ты про маскировку спрашиваешь! Впрочем, если она как-то влияла на мое сознание, не давая двигаться, где гарантии, что увиденный мной образ соответствует действительности? – раздосадованно поморщилась я.

– Все-таки слишком странный образ для маски. – Он почти отразил мою собственную гримасу. – Почему тогда нельзя было выбрать саму Ариду? Кроме того, эти одеяния... Белый цвет имеет для нас обрядовое значение. Посвященных жриц только хоронят в белом, в остальное время ни одна из них его не наденет. Ошибку можно простить любому другому, но для жриц это принципиальный вопрос.

– У нее точно были теплые руки, вряд ли она была покойницей, – нервно хмыкнула я. – Может, как раз запутать хотели? Или, может, мне в самом деле все приснилось? – пробормотала с сомнением.

– Сейчас выясним, – бросил Руамар и рывком поднялся из кресла.

На отдельном небольшом столике возле самого входа я еще утром заметила кристалл, похожий на аметистовую друзу, – рушский артефакт связи. С принципами работы подобных я была знакома весьма примерно, да и никогда не пыталась изучить подробнее: смысла не было. Каждый кристалл при создании заклинался на крови, и пользоваться им могли строго определенные личности, так что никакую пользу из-

влекь из трофейных приборов у нас не получалось. Ученые, конечно, копались, но на практике нас полностью устраивали аналогичные артефакты собственного производства.

– Мун, ты освободился?

– Нет, ваше величество, но уже близок к тому. Что-то случилось? – Артефакт плохо справлялся с передачей эмоций, но я готова была поклясться, что собеседник императора в этот момент искренне встревожился. Или, может быть, мне просто казалось, что он должен был встревожиться?

– Пришли кого-нибудь посообразительнее, умеющего отслеживать магические возмущения, – распорядился Руамар и оборвал на этом разговор. Говорил он очень странно; быстро и отрывисто. Да и выглядел соответственно: зрачки вытянуты в ниточку, взгляд направлен прямо перед собой, движения порывистые и несколько хаотичные. Отдав команду, он опустился в кресло, обеими руками вцепился в подлокотники и так замер, почти не мигая.

– Руамар, ты в порядке? – настороженно уточнила я. Такое ощущение, что это не ко мне какое-то странное воздействие применили, а к нему.

– Да. Жди.

По приказу Владыки явился не просто требуемый специалист, а Инварр-ар собственной персоной в компании трех оборотней в одинаковой, явно форменной, синей одежде.

– Ваше величество, что... – начал он, но осекся, растерянно разглядывая своего императора. Немая сцена продли-

лась пару секунд, после чего Мунар тряхнул головой, с трудом отрывая взгляд от Руамара, и обратился уже ко мне: – Что случилось, ваше величество?

Я беспомощно покосилась на мужа, но тот не спешил отвечать, да и вообще, кажется, не заметил появления подданных, погруженный в свой транс.

– Что с ним? – обратилась я к главе разведки.

– Ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться, – отмахнулся оборотень, совершенно меня не убедив. – Вы не в курсе, для чего он нас приглашал?

– И часто с ним такое бывает? – нахмурилась я, пока игнорируя вопросы собеседника. Руамар, конечно, дал понять, что смиренно сидеть в углу и помалкивать от меня не требуется, но я не была уверена, что это дает мне право командовать данным конкретным подданным.

– Думаю, этот вопрос вам лучше задать ему самому, – склонил голову Мунар, пряча взгляд.

Кхм. Император Руша чем-то страшно болен? Причем, судя по его нынешнему состоянию, психически...

– Так в чем дело? – повторил свой вопрос мужчина.

В конце концов рассудив, что Руамар не просто так воззвал непосредственно к этому оборотню, и приняв к сведению временную недееспособность супруга, я решила действовать на свой страх и риск и для начала объяснила суть проблемы. Введенный в курс дела глава разведки тут же развил бурную деятельность. Один из его подчиненных был от-

правлен опрашивать свидетелей, еще один – осмотрел и едва ли не обнюхал меня, не касаясь, впрочем, и пальцем, а третий принялся за проверку магической начинки покоев.

Император все это время сидел неподвижно, даже дышал через раз, заставляя меня настороженно коситься. О подобных странностях в поведении оборотней я никогда не слышала. Впрочем, я, оказывается, о многих их странностях не слышала; а вот сами оборотни замершего Владыку обходили аккуратно, едва не на цыпочках, и никаких признаков беспокойства не проявляли.

Результаты дознания оказались неоднозначными. Обедом для меня по собственному почину озаботилась Уру, а свежесть и температура блюд поддерживались специальным артефактом, так что здесь никакой загадки не было. Загадки заключались в другом.

Во-первых, я готова была поклясться, что по дороге до покоев мы не встретили ни одной живой души, а вот у этих самых душ было иное мнение на сей счет. Кое-кто из стражи утверждал, что видел, как я сама в гордом одиночестве решительным шагом преодолела путь от кабинета до спальни, чему в тот момент весьма удивился и даже восхитился моей выносливостью.

Во-вторых, охранные амулеты не засекали никого постороннего. Кроме обитателей покоев сюда заходила Уру, двое оборотней из замковой прислуги, приносившие обед, и... все.

В-третьих, на мне не было никаких следов магического вмешательства, кроме отголосков утреннего лечения и следов вчерашнего обряда.

– Ваше величество, а вы уверены, что эта женщина... – начал Инварр-ар и замялся, подбирая нужное слово. Своих помощников он к этому времени уже отослал и сейчас стоял рядом со мной возле выхода, явно не вполне понимая, что делать дальше.

– Мне не приснилась? – хмыкнула я, спасая его от мук, связанных с поиском более тактичной формулировки. – Я приняла бы версию со сном, если бы смогла объяснить себе пару странностей. Во-первых, как у меня получилось уверенно добраться сюда, если я чуть не отключилась в паре шагов от приемной, и, во-вторых, сумела бы объяснить хотя бы самой себе, с чего мне снятся подобные сны. Положим, ответом на первый вопрос может быть рефлекс и привычка, хотя сомнамбулизмом я прежде не страдала. Но второй... слишком ярко это все было для обыкновенного сна. Может, на меня так действует «кровь Первопредка»? Есть какие-то достоверные сведения о влиянии ее на людей?

– Смешанные браки и до войны были большой редкостью, – неуверенно пожал плечами Инварр-ар. – Не думаю, что кто-то проводил серьезные исследования. Да я, честно говоря, и не интересовался особо! Но мысль ценная сама по себе, я напрямую аналитиков, чтобы собрали какую-никакую статистику.

– Это тоже входит в вашу компетенцию? – растерянно уточнила я.

Оборотень криво и ехидно ухмыльнулся.

– С натяжкой, если приравнять к безопасности императора. Главное, это входит в сферу моих личных интересов, – добавил он и пояснил в ответ на мой удивленный взгляд: – Меня, ваше величество, очень многие не любят уже за одно только происхождение, да и моя весьма хлопотная должность способствует умножению числа личных врагов. Так что мне как никому выгодно, чтобы Руамар пребывал в добром здравии: я напрямую завишу от его здоровья и благосклонности. Не считая того, что я обязан ему всем в жизни, да и жизнь эта, честно говоря, уже много лет является его собственностью.

– И вы такие вещи открываете первой встречной?

– Я открываю вещи общеизвестные. – Инварр-ар едва заметно пожал плечами и опять опустил взгляд, пряча улыбку в уголках губ. Отлично понимаю, почему его недолюбливают; выражение лица «я все знаю лучше, но из вежливости не буду спорить» многих выводит из себя почище прямых оскорблений, а у данного конкретного оборотня это выражение с лица вообще не сходило. Но особенно раздражал тот факт, что он скорее всего действительно *знал*. – Полагаю, сейчас я уже ничем не могу быть полезен. Доброй ночи, ваше величество, – поклонился он и потянул дверь на себя, намереваясь покинуть комнату.

– Мунар, скажите хотя бы, это с ним надолго? – окликнула я оборотня на пороге, красноречиво кивнув на изображающего статую супруга.

– Обычно – нет. Должен скоро очнуться, – все с той же мягкой ироничной улыбкой качнул головой Инварр-ар и вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Опять меня оставили наедине с невменяемым императором. Впрочем, в прошлый раз, по счастью, и я была не в себе, а в этот он вроде бы не собирался буянить.

Пара часов пусть и не совсем здорового, но крепкого сна в кресле мое состояние существенно не улучшила. Но, по крайней мере, я чувствовала в себе силы не упасть в кровать как есть, а принять душ и почистить одежду от следов весьма неприличной, но приятной сцены в императорском кабинете. По-хорошему надо было для этих целей позвать Уру, но сейчас мне было гораздо проще сделать все самой, чем выдержать сеанс общения с этой милой девушкой. Ее общительность была мне на руку, но опять-таки не сейчас.

Как я уже успела заметить, двуликие знали толк в роскоши. Причем не варварской и броской, как, например, у тыбарцев, а ненавязчиво-комфортной. На первый взгляд – все просто, строго и изящно, без излишеств. А если присмотреться – на обеспечении удобства они явно не экономили, один подогревающий еду артефакт чего стоил!

Особенно тяга к роскоши бросалась в глаза в выложенной

светлым и теплым на ощупь камнем ванной. Сама ванна скорее напоминала бассейн: четверть круга радиусом метра три уходила в угол двух стен и там достигала примерно метровой глубины, а с противоположной стороны поднималась широкими плоскими ступенями, на которых, наверное, и полагалось лежать. Было заманчиво набрать огромную ванну и понежиться в горячей воде, но я решила отложить это удовольствие, опасаясь уснуть. Эх, сейчас бы хорошую баню, а потом завалиться спать! И усталость из тела уйдет, и тяжелые мысли из головы! Но – это из другой жизни. К банным процедурам в Руше были равнодушны.

Приходилось довольствоваться упругими струями искусственного дождя, которые дарил душ, расположенный в дальнем углу огромной ванны. Впрочем, после десяти лет водных процедур в тазике с чуть теплой водой и полевой бани раз в десять, а то и двадцать дней было стыдно привередничать. Тяжелые, почти горячие струи падали на макушку, сбегали потоками по телу и волшебным образом уносили с собой тревогу, навеянную странным сном и визитом специалистов службы безопасности. Сейчас мне уже даже знать не хотелось, сон это был или какая-то запредельная магия, которую не сумели распознать местные умельцы. Хотелось вот так стоять и стоять... а потом упасть в постель и на пару суток вычеркнуть себя из жизни. Позволить себе побездельничать, что ли?

От этих вялых мыслей и приятного хвойного запаха мест-

ного мыла меня отвлек даже не звук – мелькнувшая на границе восприятия тень. Стремительно обернувшись с тревожной мыслью «и чем я отбиваться буду с голым задом?», разглядела причину беспокойства и не удержалась от облегченного вздоха.

– Можно было не подкрадываться? – все-таки попеняла я стоящему на краю ванны оборотню. Тот выглядел странно – полураздетым и будто не до конца проснувшимся. Странные местные одеяния состояли из куска ткани сложного кроя и крепились несколькими узлами на плечах, локтях, запястьях, широкой ленте пояса на талии и где-то еще. У Руамара же сейчас одеяние висело на одном плече и поясе. Волосы, освобожденные от обычно фиксирующего их в хвост шнурка, рассыпались по плечам и придавали императору совсем уж взъерошенный вид.

– Я всегда так двигаюсь, – возразил он, задумчивым взглядом скользя по моему телу. Я как-то вдруг особенно остро почувствовала себя обнаженной и неприятно уязвимой, но усилием воли заставила себя преодолеть эту психологическую реакцию и не пытаться прикрыться. В конце концов, чего он там еще не видел!

– А вот этот внешний вид о чем говорит? – иронично уточнила я, чтобы хоть что-то спросить. Потому что пауза затягивалась, Руамар не шевелился, и чувство неловкости от этого еще больше крепло.

– Какой? А, – раздосадованно поморщился оборотень,

бросив взгляд на свое одеяние. — Я уже ложиться собрался, потом понял, что чего-то не хватает, — он опять состроил недовольную гримасу, а потом вдруг усмехнулся — предвкушающе, с ленивым удовлетворением сытого хищника. — Душ — это хорошая идея.

Руамару достаточно было распустить пояс, чтобы догнать меня по степени одетости. Правда, легче от того, что мы оказались в одинаковом положении, мне не стало. Хуже того, появилось противоречивое ощущение тревоги обреченной жертвы, круто замешенное на восторженном предвкушении.

Двигался двуликий при этом со все той же ленивой неторопливостью никуда не спешащего существа, явно наслаждаясь ситуацией и моим смятением. А мне ничего не оставалось, кроме как пытаться успокоиться и взять себя в руки.

Очень странно на меня действовало присутствие этого типа. Прежде вид обнаженного мужского тела не вызывал таких эмоций. Разве что эстетическое удовольствие, если тело было красивое. Или даже восхищение, если было чем восхищаться. Например, мне всегда нравилось наблюдать за рукопашными тренировками бойцов разведроты: скупые выверенные движения, отточенные до автоматизма, и поджарые тренированные тела были совершенны, и не восхищаться ими было невозможно.

Император Руша оказался очень похож именно на них.

Его биографию я знала. Знала, что он тоже воевал до того, как занять место отца. Не знала, где именно, но полагала,

что старшего сына и наследника старого императора держали при штабе. Именно так мой собственный отец относился к моему брату, и тот скрепя сердце терпел такую опеку и не рвался в самое пекло, покорно воюя по большей части с бумагами и планами и перенимая опыт с чужих слов. А вот сейчас я очень сомневалась, что все обстояло именно так. Похоже, Шидар Шаар-ан своего сына не берег, потому что сейчас передо мной был опытный и сильный воин, а не штабной офицер. Хотя, может быть, здесь сказывалась не выучка, а присутствие зверя?

Он очень красиво двигался. С неторопливой вальяжностью и скупой грацией крупного хищника, и под смуглой кожей при каждом движении играли мышцы.

Нет, пожалуй, простыми дарами природы объяснить его сложение было невозможно, только упорными тренировками.

Но сейчас меня беспокоила не столько подлинная биография мужа, сколько собственная неспособность оторвать от него взгляд. А главное – и это приходилось признать – вид обнаженного мужчины и вся ситуация в целом, несмотря на ощущение неловкости, возбуждали. Хотя еще совсем недавно вряд ли все это вызвало бы во мне что-то, кроме раздражения. Может, со мной действительно было что-то не так, а этот обряд вместе с «кровью Первопредка» все изменил?

Или, может, все проще: я знаю, к чему все идет, и уверена,

что результат мне понравится? Помню его прикосновения, запах его кожи, собственное удовольствие и хочу ощутить это снова?

М-да. Всякого я от своего неожиданного замужества ожидала, но чтобы вот так...

– Что с тобой только что происходило? – спросила я, потому что тишина сейчас невероятно нервировала.

– Долго рассказывать, – отмахнулся Руамар, неторопливо спускаясь по широким шершавым каменным ступеням в просторную чашу бассейна. Я остро почувствовала себя загнанной в угол мышью, а в следующее мгновение в этом самом углу и оказалась. С одной стороны пространство ограничили стены, с другой – мужчина, ладонями упершийся в эти самые стены по обе стороны от меня. Странно, но попыток к дальнейшему сближению Руамар не принял, а так и замер, полуприкрыв глаза и с блаженным видом приносясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.